

ЗОНА СМЕРТИ



Роман Глушков
ДРОЖЬ ЗЕМЛИ

Зона Смерти

Роман Глушков

Дрожь земли

«ЭКСМО»

2010

Глушков Р. А.

Дрожь земли / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2010 — (Зона Смерти)

ISBN 978-5-699-41423-9

В Пятизоне никому клички просто так не дают. И если уж тебя прозвали Алмазным Мангустом, приходится соответствовать. Бывший вертолетчик Геннадий Хомяков старался. И главной его проблемой оставалось выживание. Ведь Алмазным Мангустом интересовались все – дикие сталкеры, военные чистильщики, безжалостные рыцари Ордена Священного Узла. Да и орды биомехов, населяющих Чернобыльскую пустошь, не давали носителю загадочных сверхспособностей проходу. Но выяснилось, что есть проблема поважнее. Внезапное исчезновение старого друга, а по совместительству – известного журналиста Мерлина, заставило Алмазного Мангуста на время забыть даже о биомехах...

ISBN 978-5-699-41423-9

© Глушков Р. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Роман Глушков

Дрожь земли

Тревожное известие взбудоражило Пятизоне: в Чернобыльской пустоши бесследно сгинула экспедиция известного на весь мир журналиста Семена Пожарского по прозвищу Мерлин. У его друга и внештатного помощника Геннадия Хомякова полно своих проблем – за его головой давно охотится могущественный Орден Священного Узла. Но остаться в стороне и не предпринять собственное расследование Геннадий попросту не может, ведь долгие годы Пожарский являлся единственным защитником оставшейся за Барьером семьи Хомякова.

Чтобы докопаться до разгадки тайны исчезновения Мерлина, Геннадию вместе с его новым приятелем Жориком и примкнувшей к ним следопыткой Динарой придется отправиться в Крым – туда, где ныне свирепствуют нескончаемые бури и властвуют заклятые враги Хомякова. Однако настоящей его проблемой становится не битва с рыцарями Ордена и военными чистильщиками. Сам того не желая, Геннадий встает на пути у доселе неведомой враждебной силы, ярость которой подобна извержению вулкана, а натиск – сокрушительнее всех бурь Пятизоне вместе взятых...

Ни один план не переживает встречи с противником.
Хельмут фон Мольтке

Настоящий враг никогда тебя не бросит.
Станислав Ежи Лец

Что-то слишком многословным я стал в последнее время. Прорвало на откровенность, прямо не остановить. Вот опять сижу и болтаю с вами, как будто хочу взять этим реванш за все годы, что мне довелось скитаться в одиночку по смертельному Пятизоне.

Раньше, бывало, неделями я не имел возможности пообщаться с нормальным человеком, обменяться с ним новостями, слухами, прогнозами на будущее, да и просто потолковать о житье-бытье за стаканчиком чего-нибудь согревающего. Столько недоброжелателей, сколько их у меня – Алмазного Мангуста, нет даже у сурового Командора Ордена Священного Узла Хантера, тоже, кстати, входящего в список моих почетных врагов. Тысячи здешних бродяг – почитай, каждый второй вольный сталкер, – желают смерти Хантеру – приверженцу кровавых судилищ и расправ над неугодными. Меня хотят видеть мертвым как минимум девятнадцать из двадцати обитателей Пятизоне. Вот и прикиньте, с каким чувством я вступаю в контакты с незнакомцами, когда нам приходится порой столкнуться на узкой тропинке лицом к лицу. И чем обычно заканчивались те разговоры, полагаю, также не нужно объяснять.

Беседа же с вами – совсем иное дело, ведь вы пришли сюда без оружия и дурных намерений, так? А значит, доверять друг другу мы вполне можем. Моя исповедь – это история, которую я стремлюсь поведать миру с тех самых пор, как стартовала массовая охота за моими алмазами, – впившимися в мое тело аномальными паразитами, чьим носителем меня угораздило поневоле стать. Пробил сегодня час для разглашения всей правды или еще нет? Честно сказать, не знаю. Но раз уж я завел речь о своих похождениях в Пятизоне, глупо обрывать начатое повествование на полуслове, согласны?

Я гляжу на ваши лица – многие из них мне знакомы. Стало быть, большинство из вас уже в курсе кое-каких подробностей моей уникальной биографии. А конкретно тех ее глав, в которых раскрывается подоплека моего появления в Зоне и описан путь, каким я в ней очутился. Также, надеюсь, вы не забыли о том, как я и прибившийся ко мне узловик-отщепенец Жорик Дюймовый гонялись за чудодейственным артефактом секты «Пламенный Крест». Те из вас, кто досидел до финала того рассказа, знают, чем в итоге завершилась наша авантюра и к каким последствиям она привела. Последствиям, которые вряд ли опишешь в двух словах. Впрочем,

умалчивать о них было бы и вовсе форменным неуважением к вам – любителям моих не в меру затянувшихся воспоминаний.

Не думайте, однако, что после моего фиаско с Граалем Дьякона я возьмусь прилюдно стенать, сетуя на несправедливость Господа и свою горькую судьбину. Как бы не так! Обойдемся без сантиментов. Алмазный Мангуст пришел к вам не за сочувствием, поскольку оно ему и даром не нужно. Да и вы ждете от меня не жалоб и нытья, а рассказа в духе головокружительных репортажей всемирно известного Семена Пожарского – Мерлина. Он – кумир не только свободных сталкеров, но и всех, кто наблюдает за их похождениями с другой стороны Барьера, Мерлин раскрыл человечеству немало тайн Зоны. За что и получил уйму всяческих наград и научных премий. Вот и я тоже постараюсь придерживаться заданных им канонов, благодаря которым на протяжении уже шести лет тема Пятизонья остается популярной и животрепещущей.

Между прочим, я не зря упомянул о нашем знаменитом правдоискателе Семене Пожарском, поскольку моя сегодняшняя история будет напрямую касаться его дальнейшей судьбы.

Все последние годы эта своенравная госпожа благоволила Мерлину, не однажды вытаскивая его из безвыходных, смертельно опасных ситуаций. Он и его сподвижники всегда возвращались из-за Барьера во внешний мир с победой и новыми разгадками секретов Зоны. И вот наступил момент, когда отчаянное, граничащее с чудом везение Семена подошло к концу. Отправившись в свою очередную экспедицию, вся группа Пожарского канула без вести севернее Припяти, где-то на переходе между тамбуром и одним из полевых сталкерских лагерей, расположенным близ бывшего села Кулажин.

Как ни крути, а я и мой новый, но успевший заслужить к себе доверие напарник Жорик были косвенно причастны к исчезновению Мерлина. Он пришел в Чернобыль расхлебывать заваренную нами кашу и разобраться с загадкой артефакта, который мы выкрали у сектантов. Затем, используя его по назначению (с крайне переменным для нас обоим успехом), спихнули диковинку местному барыге по прозвищу Упырь. Ну а этот скряга, в свою очередь, недолго думая, перепродал антикварную чашу прямиком за Барьер. Где ее появление на одном из интернет-аукционов вызвало немалый ажиотаж. Внезапно выяснилось, что данная вещица является ровесницей и землячкой ни много ни мало Священного Грааля! А при более оптимистичном предположении она вполне могла быть и самим легендарным Граалем, хотя однозначно подтвердить или опровергнуть это ученые не сумели.

Зато они вычислили, откуда именно прибыла на аукцион скандальная реликвия. И, определив это, отправили по ее еще не остывшему следу главного мирового эксперта по Пятизонью – Семена Пожарского. Который, прежде чем углубиться в поиски, должен был встретиться со мной и узнать все, что мне было известно о Граале «Пламенного Креста».

Только круг этот, увы, так и не замкнулся. Мерлин и его товарищи сгинули, оставив меня и Жорика гадать об угрозе, что застала врасплох команду многоопытных сталкеров-универсалов. Разумеется, проку от наших сидячих раздумий было не больше, чем от кормления покойника конским возбудителем. И поэтому мы решили провести собственное расследование, благо место предполагаемого инцидента находилось неподалеку от моего чернобыльского убежища.

Естественно, мы шли на это заведомо малоперспективное дело не ради награды или иных прагматических побуждений. Даже сгинь Мерлин на подконтрольном Ордену Казантипе, я все равно бросился бы разыскивать Семена. Или, на худой конец, неоспоримое свидетельство его гибели. Все время, что я провел в Зоне, он являлся бессменным покровителем моей оставшейся за Барьером семьи. Лишь благодаря вмешательству в наши судьбы Пожарского моя жена Лиза и дочь Аня жили сегодня в безопасности, не позволяя моим многочисленным врагам отыскать их и взять в заложницы.

Вот почему я не мог остаться безучастным и отсиживаться в стороне, пока прочие сочувствующие Мерлину сталкеры рыскали по округе, надеясь напасть на след своего кумира.

Вот почему я просто обязан пролить вам свет на эту туманную историю. Ведь кто еще, кроме меня, знает ее сегодня во всех подробностях?..

Глава 1

Что ни говори, а этот Дикий Сварщик выглядел донельзя внушительно. Я бы не удивился, окажись он на поверку самым крупным из всех Сварщиков Пятизонья. Сплетенное из металлических узлов «туловище» биомеха имело форму продолговатого параллелепипеда и превосходило по габаритам товарный вагон. Четыре устойчивые ноги-опоры торчали раскорякой так, что между ними без труда проехал бы бронезавр. А количество навешанных на мутировавший авторемонтный комбайн лебедок, манипуляторов, лазерных и дисковых резаков, сварочных аппаратов, а также прочего монтажного и демонтажного оборудования превосходило все мыслимые пределы.

Этот мутант мог за считанные минуты расчленить на куски того же бронезавра. А затем, не менее оперативно, собрать его заново. Или перекроить в любого другого техномонстра, добавив при необходимости ему деталей из своего резервного бункера с запчастями. Или склепать из бронезавровых останков несколько мелких биомехов. Короче, все зависело лишь от воображения Дикого Сварщика. Ну а инструментов для претворения его безумных фантазий в жизнь ему хватало с избытком.

А вот чего ему не доставало, так это подвижности. Неспешными шагами, с лязгом и скрипом, чудовище прохаживалось по дну широкой впадины, которая, судя по геометрически правильным очертаниям ее берегов, была полвека назад искусственным водоемом – по всей видимости, колхозным прудом. Медлительность биомеха-конструктора и отсутствие у него дальнобойного оружия превращали его в уязвимую мишень. Армейский взвод или хорошо вооруженная сталкерская команда уничтожили бы Дикого Сварщика шквальным огнем за пять минут. Однако не все здесь было так просто, как могло показаться на первый взгляд.

Почувяв малейшую угрозу, Сварщик тут же призывал себе на подмогу всех монстров, какие околачивались в округе. И те незамедлительно являлись на его зов, поскольку шагающий комбайн считался у них стратегически ценной особью. Ведь только у него потрепанные в схватках монстры могли подлатать и усилить себе броню, починить сломанные конечности или пополнить арсенал.

Те же самые процедуры биомехи проходили и в Узле, попадая туда и выбираясь обратно во время его периодических пульсаций. Но не будешь же всякий раз удирать в гиперпространство из-за какой-нибудь трещины или иного не такого уж критического повреждения? Для того и существовали в Зоне существа вроде Дикого Сварщика, которые проводили полевой ремонт своих собратьев-мутантов, используя для этого подножный хлам или части не подлежащих восстановлению биомехов.

Сварщик, за которым мы с Жориком наблюдали издали все сегодняшнее утро, простаивал – а вернее, лениво прохаживался, – без работы. Что за нелегкая занесла его на дно пересохшего пруда, неизвестно, но покидать впадину биомех не торопился. Он то и дело низко приседал на своих кривых конечностях и, дотошно обшаривая манипуляторами вокруг себя землю, собирал пригодный ему для дела механический мусор. Любой, вплоть до мелких гаек и болтиков. Одним словом, «пасся», как говорили о подобном поведении техномонстров сталкеры.

– Классную вы идею подкинули, Геннадий Валерьевич! – в который уже раз за утро оценил Жорик мою стратегию по добыче нужных нам улик. – Классную и, главное, такую простую! Даже странно, что до вас никто из искателей Мерлина ни о чем подобном не додумался.

– Додумались-то наверняка все, кроме тебя, охламона, – зевнув, возразил я. – Вот только связываться со Сварщиком бродягам, в отличие от нас, явно неохота. Что, в общем-то, немудрено. Ты ведь знаешь: ради спасения Пожарского они без колебаний бросятся в любую заваруху. Но связываться в драку на стадии поиска улики – причем безо всякой гарантии их отыскать – сталкерам не позволяет инстинкт самосохранения. А без побоища порыться в закромах у

Сварщика не получится. Эту тварь только вспугни – свистнет так, что со всей локации нечисть сюда сбежится.

– Однако вы тоже сильно рискуете, – резонно заметил Дюймовый. – Сами ведь говорили, что биомехи способны обнаружить вас в вашем невидимом камуфляже.

– Я рисковал гораздо сильнее, когда согласился охотиться на пару с тобой за Граалем Дьякона, – ответил я. – А подкрасться сзади к Сварщику, залезть ему на спину и проверить, не подобрал ли он ненароком вещи пропавшей экспедиции – это, брат Георгий, уже не так страшно, поверь.

– Опять вы за свое! Я же вроде попросил вас больше не называть меня моим орденским именем! – обиженно забухтел Жорик. – Как, по-вашему, я смогу забыть свое членство в этом позорном Ордене, если вы мне все время об этом напоминаете?

– Прости, запамятовал, – извинился я, не сводя взора с пасущегося Сварщика. – Обещаю: больше не повторится. Только вот насчет того прозвища, которое ты себе взял... Кажется, ты мне его говорил, но биомехи, от которых мы вчера прятались, так грохотали, что я тебя плохо расслышал... Как там бишь оно: Чистый Морж?.. Нет-нет, погоди: Черствый Корж?.. Или этот э-э-э... Чертов Додж?

– Черный Джордж! – сверкнув глазами, с гордостью уточнил отрекшийся от своего рыцарского прошлого Дюймовый. – И если вас не затруднит, я попросил бы называть меня при посторонних только так, а не иначе.

– Да пожалуйста! Отчего ж не уважить хорошего человека, раз так надо, – хмыкнул я. – Только есть два «но»: во-первых, ты вовсе не черный, а русский. И, во-вторых, насколько бы грозной кличкой ты себя ни наградил, у тебя на лбу написано, что никакой ты не Джордж, а Жорка из Южных Васюков, который еще вчера стены подъезда маркером пачкал. Так что не обессудь, ежели сталкеры начнут над тобой насмехаться. Это я тебя на всякий случай по-дружески предупреждаю. Уж коли назвался Черным Джорджем, изволь соответствовать прозвищу на все сто. А ты в этом плане, увы, чуток до планки не дотягиваешь...

Вряд ли Дикий Сварщик был причастен к исчезновению Семена. Но зигзагообразный путь, которым биомех брел по локации, несколько раз пересекался с маршрутом пропавшей экспедиции. Учитывая скрупулезность, с какой мутант обшаривал землю у себя под ногами, можно было надеяться, что кое-какие вещи и оборудование Пожарского отыщется в резервных бункерах этого авторемонтника. Туда-то мне и предстояло вскорости заглянуть. Или хотя бы попытаться это сделать. В любом случае тут у меня перед прочими искателями Мерлина было явное преимущество.

Яркие солнечные лучи! Вот что мне было позарез необходимо и чего я с самого рассвета терпеливо дожидался на берегу впадины. Солнце и живущий у меня в теле аномальный гиперпространственный паразит помогут мне стать невидимкой и вскарабкаться на комбайн, не потревожив его.

Жорик был прав, когда говорил о том, что мой камуфляж неспособен обдурить биомехов. Да, но лишь в том случае, начни я нагло маячить у них на виду. С неповоротливым Сварщиком это было совсем необязательно. Мне следовало лишь выждать, когда он снова присядет и сосредоточит внимание на валяющемся под ним хламе. После чего я подскочу к чудовищу и воспользуюсь одной из его конечностей как лестницей. Мое отступление, соответственно, должно было протекать по обратному сценарию.

И впрямь все элементарно, если не брать в расчет сопутствующий моей пробежке риск. Но это условие неотъемлемо для любой работы в Пятизоне, вне зависимости от ее сложности. В здешних краях даже безобидное отправление малой нужды может порой обернуться для вас незабываемым головокружительным приключением. И хорошо, если при этом оно не станет последним в вашей жизни...

– Эх, надо было все-таки дожидаться Маргу, – удрученно вздохнув, пробормотал брат Гео... пардон – Черный Джордж. – Хотя бы еще полдня подождать – все равно потом по воздуху время наверстаю бы. Зря без дракона на это дело отправились. Вышиб бы он сейчас из своей пушки Сварщику мозги, а мы потом без лишней суеты и спешки все его бункера обыскали бы...

Наш удивительный приятель – мутировавший боевой вертолет «Пустельга», который не так давно признал во мне своего бывшего пилота и взялся по старой памяти снова меня опекать, – в поисках Мерлина участия не принимал. Сегодня «борт шестнадцать» подчинялся мне уже не так безоговорочно, как прежде. Он продолжал жить своей драконьей жизнью, служа в первую очередь своим нынешним хозяевам – тем, которые сотворили из него это чудовище.

Иногда – как, например, недавно – они призывали его к себе и отправляли куда-то с поручениями; какими именно, мне неизвестно, но вряд ли они были из разряда гуманитарных и деликатных. В остальные дни лояльный ко мне биомех летал где ему вздумается, заглядывая раз в день на оговоренное нами место встречи. И если в это время я поджидал его там, «шестнадцатый» выслушивал мою просьбу и решал, вправе ли он мне помочь или нет. Чтобы заручиться поддержкой дракона, я был обязан просить его лишь о тех одолжениях, какие не шли вразрез со вшитыми ему в Узле новыми директивами.

– Еще неизвестно, был бы сегодня от Марги прок или нет, – скептически отозвался я на сетования напарника. – Подозреваю, что для нее Сварщики, как и технокракен, неприкасаемы. И пришлось бы нам, хочешь не хочешь, все равно самим выкручиваться... Ладно, Черный Джордж, хватит трепать языками. – Не поднимаясь с земли, я выкатился из тени на освещенный солнцем пятачок. – А ну-ка глянь, как я выгляжу?

– Никак, – мотнул головой Дюймовый и, показав оттопыренный большой палец, поправился: – В смысле, отлично – я вас уже совсем не вижу.

– Что ж, в таком случае мне пора. А ты пока прикинься ветошью и жди моего возвращения. – Я посмотрел на небо: на горизонте ходили тучи, но где-то четверть часа полной невидимости были мне гарантированы. По крайней мере теоретически. Но кто на самом деле здешние коварные небеса знает... – Ну, с богом!..

Пришлось, правда, выждать еще полминуты, пока Сварщик присядет над очередными своими находками. Когда же он наконец сосредоточился на подножном хламе, я вскочил и, сбежав по склону во впадину, стремглав припустил к четвероногой махине. Благодаря моему алмазному симбионту сломанная мной в погоне за Граалем лодыжка срослась быстро и без осложнений. Почти месяц я уже бегал, прыгал и занимался верхолазанием в своей обычной манере, без поблажек для травмированной ноги. И сегодня ничто не мешало мне осуществить задуманную дерзость, разве только она сорвется из-за не зависящих от меня обстоятельств.

Забегав биомеху в тыл, я не останавливаясь подпрыгнул и, цепляясь за выступы на согнутой коленчатой конечности, покарабкался вверх. Если вдруг Сварщик меня заметит, я узнаю об этом тотчас же. Громкий и пронзительный, как гудок локомотива, сигнал разлетится по округе, и спустя пару минут здесь разыграется такой кавардак, что не успею я слиться, от меня даже мокрого места не останется. Также не стоит забывать и про ударно-режущее-жгутильное оружие Сварщика. Это сам он неповоротлив, словно айсберг, но его манипуляторы и резак способны двигаться с быстротой рук циркового жонглера. Чуть зазеваюсь или промешкаю – в мгновение ока буду четвертован так, как палачам Емельяна Пугачева и не снилось.

На преодоление высоты в полдюжины метров мне понадобилось не более пяти секунд. Бункеры с находками биомеха располагались в задней части его корпуса, и, взобравшись ему на спину, я очутился аккурат перед ними. А монстр тем временем закончил копать в земле, выпрямил ноги, поднялся и грузно потопал к западному склону впадины.

Уф, кажется, не заметил! Теперь главное – не подставить голову под шальной манипулятор, и все будет замечательно.

Корпус Сварщика покачивался в такт его шагам, и я ощущал себя словно на палубе рассекающего волны судна. Вокруг меня что-то постоянно искрило и лязгало, вращались шестерни и валы, двигались тяги, щелкали контактами всяческие реле и переключатели. Железный организм биомеха изначально был спроектирован и создан людьми. Но сегодня он жил собственной, независимой от прежних создателей жизнью и являлся составной частью техногенной экосистемы Пятизонья. А я в настоящий момент был подобен блохе, что ползала по бронированной шкуре этого зверя, ища, чем тут можно поживиться.

Нельзя не оценить педантичность, с какой Дикий Сварщик делал свою нужную и благородную по отношению к собратьям-монстрам работу. Все запчасти были у него тщательно рассортированы по габаритам и аккуратно разложены в разные бункеры. Их вместительность напрямую зависела от размеров помещенных в них деталей, и поэтому на спине у биомеха имелось не меньше двух дюжин хранилищ. Мне требовалось изучить содержимое как минимум половины из них. Тех, в которые могла угодить аппаратура и прочий груз, какой несла с собой экспедиция Пожарского.

Держась подальше от разгребających находки манипуляторов, я приступил к работе. Довольно скоро выяснилось, что рассчитывать на успех особо не стоит. И чем дольше я искал, тем сильнее крепла во мне подобная уверенность.

Ни съемочного оборудования, ни его обломков – как крупных, так и мелких – в запасах Сварщика не обнаружилось. Нашлось несколько измятых и забрызганных кровью фрагментов сталкерского обмундирования. Но это были обычные, а не те высокотехнологичные, сделанные на заказ доспехи, какие носили не обделенные в средствах Мерлин и его спутники. Нашлось также оружие. По большей части – раскуроченное и небоеспособное, и определить, кто им прежде владел, было невозможно. Нашлись еще кое-какие вещи – металлическая посуда, скалолазная лебедка, гнутый палаточный каркас, – которые тоже могли раньше принадлежать кому угодно. Я изучил их поочередно, пытаюсь высмотреть на них гравировку или иные опознавательные знаки, но все впустую.

Похоже, удача, которая довела меня до закров авторемонтника, решила, что лимит ее помощи Алмазному Мангусту на сегодня исчерпан. Не сказать, чтобы я удивился или расстроился – случались в моей жизни разочарования и похуже. Приходилось лишь сожалеть о зря потраченном времени и напрасном риске, какому я себя подверг.

– Вот дерьмо! – огорченно пробормотал я, останавливаясь возле последнего бункера и осматривая тянущиеся вдоль его стен многоярусные полочки. На них, будто в магазине «1000 мелочей», Сварщик разложил уйму всякой всячины, которая могла легко затеряться среди прочих, более крупных находок. – И как вообще, скажите пожалуйста, способны бесследно исчезнуть двенадцать человек? Их что, в какой-нибудь гигантский пылесос вдруг скопом засосало?..

Дикий Сварщик не подбирал для своего грубого тят-ляп ремонта хрупкий пластик, но стеклом не брезговал. Поэтому в залежах его запчастей частенько попадались и пуленепробиваемые стекла армейских бронемашин, и всевозможные оптические приборы. Из последних стальной «айболит» извлекал линзы, которые использовал затем для восстановления биомехам поврежденных органов зрения. Под стеклянную мелочь у него была отведена отдельная полка. Пройти мимо нее я, естественно, тоже не мог. Мне не удалось отыскать разбитые видеокамеры, так, возможно, повезет наткнуться на объективы от них?

Солнечный свет искрился и отражался зайчиками от разнообразных линз, линзочек и обычных стекол, совершенно не гармонируя своим жизнерадостным блеском с моим мрачным настроением. Впрочем, таковым оно оставалось недолго. Не успел я толком присмотреться к разложенным на полке предметам, как мне попался-таки на глаза тот, пройти мимо которого было уже нельзя.

Вообще-то ради подобных находок я и дерзнул обыскать биомеха. И все равно обнаруженная мной улика оказалась весьма неожиданной. При виде нее у меня поневоле екнуло сердце, а с языка сорвалось ругательство. Я рассчитывал найти здесь обломки мерлиновских видеокамер, но отыскал кое-что гораздо более значительное. И уже не вызывающее сомнений в том, кому принадлежала эта вещь, прежде чем ее подобрал Сварщик.

Антикварные очки с круглыми золотистыми стеклами и тонкой стальной оправой!

Любой житель планеты, который видел хотя бы один из репортажей Пожарского либо телепередачу о нем, мог бы без труда опознать эти очки. Будучи довольно скромными на вид, они тем не менее давно обрели всемирную известность. Как и многие другие очки, которые стали неременным атрибутом портрета их прославленного владельца. Такого, как Махатма Ганди, Джон Леннон, Вуди Аллен, Гарри Поттер, наконец... Семен Пожарский имел шанс войти в историю не только как выдающийся исследователь Пятизонья, но и как последний знаменитый очкарик Земли. Ныне, в век нанотехнологий и продвинутых медицинских имплантов, такие оптические анахронизмы носят единицы. А среди популярных личностей вроде Мерлина очками в медицинских целях, насколько я помнил, уже не пользовался никто.

Я аккуратно подобрал находку с полки и осмотрел ее, отметив, что от волнения у меня подрагивают пальцы. Обе линзы и оправка были целы, разве только на последней виднелись свежие царапины, оставленные, судя по всему, манипулятором Сварщика.

Хотя нет, ошибаюсь: стекла также претерпели метаморфозу – не столь заметную, но довольно странную. Золотистое покрытие на них было вовсе не потерто, как показалось вначале, а испещрено мельчайшей сеткой тонких и глубоких царапин. Каждая из них была едва различима невооруженным глазом, но вместе они составляли сложный, геометрически правильный узор. Причем на ощупь поверхность линз осталась гладкой.

Безусловно, эти дефекты возникли не случайным образом, а были нанесены искусственным путем и пока с неясными мне целями. Одно могу сказать точно: прежде на очках у Мерлина ничего такого не наблюдалось. Но даже не имея царапины к его исчезновению ни малейшего отношения и возникни по любой другой причине, Пожарский не стал бы выбрасывать испорченную вещь. Он был опытейшим сталкером и никогда не оставлял за собой лишних следов. А тем паче таких, какие красноречиво указывали бы на то, чья группа тут проходила.

Мое изучение улики было прервано резким гудком, донесшимся с западного края впадины. Оттуда, куда шагал сейчас авторемонтник. Сирена звучала не так громко, как в случае опасности протрубил бы Сварщик, и вообще не походила на тревожную. Это был скорее сигнал приветствия от приближающегося к нам биомеха. И судя по ярко выраженному «автомобильному» тону гудка, на встречу со Сварщиком ехал крупный носорог – один из сотен раскатывающих по Пятизонью мутировавших грузовиков.

Эх, не вовремя же он нарисовался! Прибыть бы ему минут на пять позже – тогда, когда я добежал бы до берега, – и все сложилось бы просто замечательно. Но нет, госпожа Удача продолжала выписывать передо мной пируэты, раз за разом поворачиваясь ко мне то лицом, то, извините, задницей. А иначе как еще объяснить нахождение мной важной улики и следом за этим – утрату шанса по-тихому с этой уликой улизнуть?

Да, я тоже слышал теорию о том, что жизнь есть бесконечное чередование светлых и темных полос. Но когда она вдруг окрасилась для меня в мелкую и частую черно-белую полосочку, невольно возник вопрос, во что она – сука-жизнь, – все-таки одета? Это больше походило на арестантскую робу. Ту, которую носят узники, приговоренные к смертной казни.

Я пока не намеревался сводить счеты с собственной жизнью. Ни сегодня, ни как минимум еще полвека. И потому при звуках приближающейся сирены шмыгнул в щель между бункерами и притаился там, высунув наружу лишь свой единственный глаз. Хочешь не хочешь, а ситуацию нельзя упускать из-под контроля ни в коем случае.

Прикативший во впадину «носорог» представлял собой довольно мерзкий подвид данных представителей здешней технофауны. Если мне не изменяла память, сталкеры прозвали его Огнебоем. Естественно, не из-за одного лишь желания дать ему грозное поэтическое имя. Пройдя через Узел, эта пожарная машина стала походить на огромного красного скорпиона. Сходство с ним усиливала выдвижная лестница, превратившаяся в кривой, задранный вверх и заостренный на конце хвост. Им разъяренный Огнебой наносил окрест себя такие стремительные удары, что при попадании центнеровым жалом в человека от несчастного оставалось лишь месиво из растерзанной плоти и смятых в лепешку доспехов.

Но главным оружием биомеха-скорпиона служил не хвост, а установленная на корпусе гидравлическая пушка. Только хлестала из нее не вода, а горючая смесь, которой был заполнен резервуар бывшего пожарного автомобиля. Струя пламени Огнебой выстреливала почти на сотню метров и могла зараз выжечь дотла обширный участок местности. Неудивительно, что, завидев поблизости такого монстра, сталкеры бежали от него в буквальном смысле как от огня. Или расстреливали его с высоты, до какой рожденный ползать по земле Огнебой не мог доплюнуть из своего орудия.

Что за поломка привела этот разумный огнемёт к Дикому Сварщику, неизвестно. С виду тварь не выглядела поврежденной и катила по дну впадины вполне уверенно. Однако достигнув авторемонтника, клиент с ходу въехал в просвет между его опорами и остановился, заняв таким образом предписываемое для техобслуживания место. Лишь, грубо говоря, в промежуток у стального «айболита» Огнебой был досягаем для всех его инструментов и мог быть при необходимости приподнят краном, что располагался у того под брюхом.

В отличие от слесаря-человека, Сварщик начинал работу без «раскачки» и не отвлекался ни на чаепития, ни на перекуры. Вот только меня его рабочий режим поставил в весьма щекотливое положение. И до этой минуты сидеть на спине у биомеха было откровенно неудобно. А когда все его манипуляторы, конвейеры и прочее оборудование пришло в движение, здесь стало по-настоящему жарко.

Меня словно швырнули на автосборочный конвейер, и теперь я двигался по нему бок о бок с производимыми на нем машинами. Никакой системы безопасности тут не имелось в помине. Роботам, чьи механические руки безостановочно мельтешили вокруг, не было до меня совершенно никакого дела. Они могли подвергнуть очутившегося не там где надо человека любой участи: приклепать к автомобильному корпусу, выпустить резак кишки, размозжить голову манипуляторами, поджарить автогенном, ампутировать электроножницами конечности... И все это как само собой разумеющееся, без малейшего отрыва от производственного процесса.

Отсидеться в укрытии не удалось. Едва разразилась суеда и контейнеры, промеж которых я прятался, начали перемещаться то к одному борту комбайна, то к другому – в зависимости от того, где и когда было востребовано их содержимое, мне пришлось всецело довериться собственной реакции и проворству. Мечась в этом громыхающем и лязгающем аду будто угорелый, я волновался об одном: лишь бы не дать дьявольскому механизму прожевать меня и выплюнуть. Все прочие проблемы, в том числе и маскировка, беспокоили сейчас значительно меньше.

Невозможность соблюсти в такой чехарде конспирацию меня и подвела. Если на спине у работающего Сварщика и остались где-то укромные уголки, я на них не наткнулся. И потому, когда в итоге мне пришлось попасться на глаза биомехам, это было вполне закономерно и неизбежно.

Не на шутку разошедшийся Сварщик прекратил работу внезапно, как по команде «Стоп!». Все его манипуляторы и механизмы дружно остановились, а сам он настороженно замер, словно хирург, вдруг обнаруживший в утробе оперируемого пациента незамеченную ранее патологию. «Носорог», напротив, рванул с места, словно получил другую команду –

«Старт!». После чего вырулил из-под брюха комбайна и, задрав свой гигантский хвост, принялся нервно нарезать вокруг нас круги. Пушка Огнебой при этом была все время нацелена на Сварщика, а из ее ствола полыхали небольшие, но откровенно недвусмысленные языки пламени.

Я отреагировал на перемену обстановки инстинктивно: вслед за манипуляторами тоже застыл без движения, не желая выделяться на общем неподвижном фоне. И лишь потом сообразил, что все это впустую и что играть в прятки поздновато. Засек меня Сварщик или нет, пока неясно, но для Огнебой мое присутствие больше не являлось секретом. И пушкой он угрожал не собрату, а мне. Я был незаметен на солнце, но в тени контейнеров и вздернутых вверх конечностей ремонтника мой невидимый камуфляж исчез.

Пожарник-поджигатель мог легко подстрелить меня из огнемета, но он этого не делал. Лишь продолжал кружить у ног Сварщика, гневно фыркать в мою сторону пламенем да потрясать хвостом. Похоже, я угадал: Дикий Сварщик действительно считался среди биомехов неприкасаемым, и причинять ему вред они не имели права. Поэтому мой друг «шестнадцатый» тоже наверняка отказался бы стрелять по комбайну, и Огнебой не являлся исключением из правила. «Видит око, да зуб неймет» – так отреагировал он на раздражителя-человека в моем лице. Чему я был только рад – мне приходилось горячо и без дополнительного поджаривания пяток.

Впрочем, бездействие Сварщика продлилось недолго. Вскоре и он обнаружил на своей стальной шкуре нахального человечешку, после чего взялся отлавливать меня с тем же рвением, с каким до этого ремонтировал Огнебой.

«Спешка нужна при ловле блох», – гласит народная мудрость. К нашей со Сварщиком игре в салочки она подходила как никакая другая. У громилы не получалось толком рассмотреть, что происходит у него на спине, и его шустрые манипуляторы ловили меня скорее наобум, нежели прицельно. Однако манипуляторов было много, и каждый из них являл собой моего потенциального палача. Самое отвратительное состояло в том, что мне был отрезан путь к отступлению. Внизу, у опор комбайна, меня подкарауливал попрыгивающий огнем «носорог», ударить от которого по открытой ровной местности было абсолютно нереально.

А удирать так или иначе надо, поскольку помощи мне ждать неоткуда. Уповать на Жорика глупо. Озарение на него нисходит редко, и слишком долго пришлось бы ждать, пока напарника осенит какая-нибудь спасительная идея. Придется выбираться из ловушки по старинке – самому. Благо я успел обследовать закрома Сварщика и присмотрел в его коллекции несколько полезных предметов, которые могли бы в случае чего мне пригодиться.

Бункеры с запчастями вновь задвигались туда-сюда – биомех стремился усложнить мне жизнь всеми доступными ему способами. Дабы не стоять на месте, я принялся безостановочно финтить, уворачиваясь от охотящихся за мной манипуляторов. В учиненной мной суете некоторые из них тут же переплелись и, сцепившись между собой, взялись со скрежетом и искрами кромсать друг друга своими инструментами подобно тому, как грызутся не поделившие добычу хищники. А я, отыграв таким образом у них фору, подскочил к бункеру, где складировалось трофейное оружие, и кинулся к валявшейся там импульсной картечнице «Мегера».

Вы, конечно, уже слышаны о том, что происходит с любой современной техникой и местными артефактами, когда они попадают в руки Алмазного Мангуста. По крайней мере те из вас, с кем мы встречаемся не первый раз, знают о моей особенности выводить из строя электронные приборы одним лишь прикосновением к ним. Точнее сказать, ломаю их не я, а живущий у меня в теле энергетический паразит. Помимо прочего, он также позволяет мне становиться невидимым под лучами солнца и наделяет феноменальным проворством, но не суть важно. А важно то, что мое «смертельное касание» срабатывает не моментально, а лишь по прошествии некоторого времени. И его иногда хватает для того, чтобы я успел разок-другой воспользоваться обреченным на поломку устройством.

Подобранную мной картечницу ожидала столь же незавидная участь. Однако чтобы навести «Мегеру» на противника и выстрелить, мне требовались считанные секунды. Вполне приемлемый срок для «лебединой песни» оружия, чей владелец, очевидно, пал в бою где-то неподалеку отсюда.

То, что картечница не разряжена, я заметил еще при изучении бункеров; в противном случае я взял бы сейчас валяющийся рядом с ней пулемет «Страйк». Будучи однозарядной, она не давала мне права на промах, но, в отличие от пулемета, «Мегера» гарантировала, что мой план сработает. А «Страйк» мог и оплошать. При всей своей скорострельности он имел мало шансов пробить бортовую броню Огнебая.

Очередная серия финтов, и вновь позади меня слышен ляг натякающихся друг на друга в суматохе манипуляторов. Верно подметил дедушка Крылов: «Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет». А вот у меня с «Мегерой» царит полное взаимопонимание. Даже вопреки тому, что дьявольская энергия моего симбионта медленно, но верно подтачивает изнутри оружейную электронику.

Выскочив на край корпуса комбайна, я встал рядом с намертво сцепившимися и потому уже не опасными для меня щупальцами и упер картечницу в плечо. Неплохая позиция. Мешающий моему отступлению враг виден как на ладони и по-прежнему не может в меня выстрелить. Что ж, огнедышащий ублюдок, не обессудь – сам напросился!..

Стрелять из «Мегеры» можно как в обычном режиме, так и в альтернативном. Последний мне более выгоден, потому что он позволяет использовать картечь не россыпью, а единым блоком. В таком случае снаряды – каждый из них имеет величину голубинового яйца – выстраиваются в стволе впритык один к другому и летят в мишень таким метровым ломом. Благодаря суммарной массе выпущенных таким порядком картечин их пробивная способность многократно увеличивается, а разлет составного снаряда на фрагменты происходит за пробитой им преградой. В общем, именно то, что нужно, поскольку резервуар Огнебая защищен со всех сторон толстыми листами брони.

Можно, конечно, продырявить его и сверху – так было бы даже проще. Но ведь я стремлюсь не просто попортить врагу шкуру, а спалить его посредством его же собственной горючей смеси. Чтобы ее воспламенить, одного выстрела из «Мегеры» недостаточно. Для этого требуется электрическая искра – примерно такая, какая поджигает смесь в огнемете «пожарника». Безусловно, этот нюанс мной также заранее учтен.

Дождавшись, когда катающийся кругами Огнебой поравняется со мной, я шархнул ему в бок картечью. Но прежде чем отбросить отслужившую свое «Мегеру», выдрал из нее аккумуляторную батарею.

Выстрел пробил резервуар биомеха примерно посередине. Пробил насквозь и броню, и резервуарную стенку, но я все равно испугался: а вдруг боезапас поджигателя на исходе и проделанная мной дыра окажется выше уровня налитой в цистерну смеси?.. Впрочем, когда она черной, словно гудрон, струей хлынула из пробоины, панические мысли испарились бесследно. Все пока идет как надо. И теперь самое время отметить мой удачный выстрел ослепительным фейерверком...

Позади меня раздался душераздирающий скрежет, и в следующий миг что-то похожее на кувалду – такое же тупое и увесистое – двинуло мне промеж лопаток. Да так двинуло, что я не устоял на ногах и, сорвавшись со спины Сварщика, полетел вниз с высоты в десяток метров (когда комбайн стоял на выпрямленных опорах, его высота была в полтора раза выше той, которую я преодолел при восхождении на него).

Уже в полете я смекнул, что стал жертвой тех самых спутавшихся манипуляторов. Все-таки они сумели расцепиться и дотянулись до меня в самый неподходящий момент. Какая досада! Опять этот коварный пируэт Фортуны, решившей, видимо, что я недостаточно насмотрелся сегодня на ее постыльную задницу!

Разбиться, упав с такой высоты, Алмазный Мангуст мог лишь в случае, если бы приземлился головой вниз и свернул себе шею. Допускать подобную оплошность – простительную для обычного человека, но обидную для меня, – я не собирался. Сгруппировавшись, я шустро перекувыркнулся в полете и коснулся дна впадины подошвами кроссовок, а не затылком. После чего сделал амортизирующий перекат через плечо и, вновь очутившись на ногах, экстренно оценил свое положение.

Изливая на землю горючую смесь, подстреленный Огнебой еще не заметил, что я стал уязвим, и продолжал двигаться по накатанной им вокруг Сварщика колее. Неповоротливый громила также пока не сориентировался в изменившейся ситуации. Он яростно гроыхал манипуляторами, очевидно полагая, что я продолжаю бегать у него по спине. Я пропустил удар, но еще имел в запасе три-четыре секунды форы, по истечении которой меня уже не спасет ни быстрый бег, ни моя хваленая сноровка. Использовать выданную мне Костлявой отсрочку следовало с умом...

...Ну, или хотя бы так, как я ее использовал – с отчаянным безрассудством. В котором, однако, толика здравого смысла все же присутствовала. Ведь тот факт, что я в итоге выжил, убедительно об этом говорит.

Извлеченная из «Мегеры» батарея не выпала при падении и оставалась у меня в руке. Не дожидаясь, когда враги ринутся в атаку, я скovyрнул с контактов аккумулятора предохранительный кожух и швырнул этот импровизированный детонатор прямо в разлитую передо мной смесь. Она жирной черной полосой тянулась следом за Огнебоем, по моей милости изливающим наземь свой жидкий боезапас. Я планировал поджечь его, швырнув батарею сверху, но теперь пришлось делать это отсюда. Далеко не самая удачная позиция для диверсии, но куда деваться?

Электропроводность горючего состава, воспламеняющегося от электричества, была отменная. Короткое замыкание аккумулятора зажгло смесь, и вспыхнувшее над ней яркое пламя тут же помчалось вдогонку за «пожарником». А я, развернувшись, кинулся в противоположную сторону. К единственному ближайшему укрытию – опоре Сварщика.

Обрати он внимание на то, как я вцепился в него, заслоняясь от взрыва, мне это точно не сошло бы с рук. Но Сварщик следил уже не за мной, а за стремительно растущей вокруг него стеной огня. Той, что вот-вот должна была настигнуть Огнебоя. Смекнув, в какую передрагу он угодил, «носорог» ударил по тормозам и развернулся юзом на сто восемьдесят градусов. Но это было последнее, что он успел сделать, прежде чем пламя набросилось на монстра и объяло его ослепительным оранжевым облаком. Оно вырвалось из пробитого резервуара с оглушительным грохотом, и я пожалел, что у меня нет лишней пары рук, чтобы вдобавок заткнуть себе уши.

Прижавшись к опоре, я зажмурил глаза и задержал дыхание, дабы нахлынувшая волна жара не обожгла легкие. Мне не раз доводилось оказываться в опасной близости от взрывов плазменных гранат, которые порождали куда более высокотемпературную вспышку, нежели эта горючая смесь. Количество каковой, однако, не позволяло отнестись к ее возгоранию несерьезно. Детонация боезапаса Огнебоя тоже хорошо пропекла мои косточки, опалив заодно брови и обдав меня нестерпимым раскаленным ветром. Заслоненный толстой опорой, я пережил его порыв, не заполучив ожогов, но коже на лице и руках предстояло теперь долго шелушиться.

Волна схлынула, грохот умолк, сменившись треском бушующего пламени, что жадно облизывало останки «носорога». Я открыл глаза и, матерясь от боли – опаленное лицо припекло так, словно с него содрали кожу, – высунулся из-за укрытия.

Теперь Огнебой не представлял для меня угрозы. Развалившись пополам, он еще агонизировал, скребя песок полыхающими колесами, но некогда устрашающий хвост биомеха не стоял больше торчком, а беспомощно валялся на земле. Его пушка, правда, все еще изрыгала

горючую смесь. Но это были вялые, судорожные плевки, практически незаметные на фоне охватившего чудовище пожара.

Тарашиться на него мне было некогда. Увидев, что стряслось с собратом, Сварщик немедленно двинул ему на помощь, и я был вынужден соскочить с него, пока он не унес меня прямиком в огненное пекло. Нависнув над бьющим в небо пламенем, комбайн выстрелил в него струей белого газа – очевидно, углекислотой. Но встроенная в Сварщика система пожаротушения не была рассчитана на борьбу с таким сильным возгоранием. Залитые горючей смесью обломки Огнебоя продолжали яростно полыхать, и все старания сердобольного авторемонтника оказались тщетны.

Лучшего момента для отступления не придумать. Пока огонь застил глаза Сварщику и тот пытался его обуздать, я – ничтожная букашка среди многотонных исполинов, – решил этим воспользоваться. Вдобавок ветер сносил дым к южному берегу – почти в ту сторону, где меня поджидал Жорик, что также было весьма кстати.

Я нырнул под эту благоприятную завесу и припустил во весь дух прочь. Что-что, а демонстрировать врагу свои мозолистые пятки я умел как никто другой в Зоне. Поэтому и оставался до сих пор в живых. Согласен: не слишком приятное откровение для легендарного парня вроде меня. Но ведь я и не утверждал, что являю собой воплощение мужества и благородства. Скорее совсем наоборот. Вот уже на протяжении почти шести лет моя жизнь – это сплошное грехопадение. И она вполне могла бы служить для начинающих сталкеров наглядным пособием с заголовком «Не будь таким!». И, что хуже всего: среда, в которой я ныне обитал, отнюдь не способствовала моему исправлению и облагораживанию.

Позади меня буйствовали грохот, шипение и треск пламени, но я уже не обращал на них внимания. И даже когда Сварщик огласил округу своим громогласным воем, сзывая к себе окрестную технофауну, мне на это также было начхать. Через минуту я выберусь из впадины, а еще через две мы с Дюймовым убежим отсюда и спрячемся там, где никакая растревоженная нечисть нас не отыщет. И просидим в нашем убежище, пока опасность не минует.

А заодно передохнем и поразмыслим над украденной у Дикого Сварщика уликой. Не сказать, что я возлагал на нее чересчур большие надежды. Но поскольку другим искателям Мерлина не повезло обнаружить даже такую малость, отныне наша следственная группа опережала их на целый шаг.

Маленький шажок для нас с Черным Джорджем, но, не исключено, судьбоносный шаг для Пожарского и его команды...

Глава 2

Обочина!

Овеянный самыми невероятными легендами и тайнами сталкерский рынок. Источник львиной доли распространяющихся по Пятизоне слухов. Мекка спекулянтов всех пошибов и рангов. Кладезь всего, что нужно человеку для выживания под куполами Барьеров. А также пристанище для усталых, рог изобилия для обездоленных, нектар для жаждущих и панацея для страждущих. И это восхитительное многообразие желаемых и доступных благ укладывалось на сталкерском языке буквально в одно слово:

Обочина!

Еще на заре своего существования она была объявлена нейтральной территорией. При входе на нее любой сталкер, будь он хоть сам Командор Хантер, сдавал на хранение свое стрелковое оружие следящим здесь за порядком независимым дружинникам. Ножи, кастеты, стеки, а также артефакты «Плеть» и «Фрич» носить не возбранялось. Но использовать их посетители Обочины могли исключительно в целях самообороны – этого священного для сталкеров права клиентов не лишали. Боевые же импланты не разрешалось применять ни при каких условиях. Энергетические вспышки могли запросто вызвать пожар, а он, в свою очередь, повлечь за собой панику. Которая при таком скоплении воинственного народа в мгновение ока переросла бы в массовые погромы и поножовщину. Приобретенное на рынке оружие покупатель получал только на выходе, при возврате ему из камеры хранения запрещенных к проносу вещей. Таковы были основополагающие законы здешней безопасности. И на них, как Земля на трех мифических китах, базировался пресловутый нейтралитет Обочины.

Порой у меня возникало ощущение, что она существовала всегда. Казалось, будто это поселок Выгребная Слобода был когда-то выстроен при Обочине, а не она возникла шесть лет назад на руинах уже давно не существовавшего поселка. Уникальное, обладающее своей неповторимой магией место! Кто-то из местных поэтов, а среди сталкеров попадаются и такие, изрек:

Коль не хватает мочи вам
И жизнь в немилость стала —
Вернитесь на Обочину,
Начните жизнь сначала!

Можно, конечно, поспорить с данным утверждением, но в целом неведомый мне стихоплет не солгал. Многие потерпевшие фиаско бродяги действительно обретали тут не только вторую, но, бывало, третью, четвертую и более жизнь. К примеру, проваливший задание, потрепанный и лишившийся оружия наемник мог выйти на арену Мясорубки – здешнего гладиаторского клуба с неизменным тотализатором, – и быстро заработать себе деньги на новую экипировку. Разумеется, при желании рискнуть ради этого жизнью и при наличии везения. Когда же удача не благоволила наймиту, он имел возможность купить оружие и доспехи в кредит, вновь взяться за прежнюю работу и расплатиться с долгами после ее завершения. Ну а хронический неудачник с плохой кредитной репутацией мог перебиваться на Обочине мелкой работенкой, которой на рынке всегда хватало, в надежде, что однажды счастье ему таки улыбнется.

Здесь почти у каждого отчаявшегося сталкера был шанс выжить и поправить свои пошатнувшиеся дела. И если они в итоге складывались настолько скверно, что бедолагу гнали взащей даже отсюда, значит, ему вообще было нечего делать в Пятизоне. Тот, у кого не хватало ума

выжить на благодатной Обочине, за ее пределами, в пустошах, и подавно долго не протянет. Старая, тысячекратно проверенная на практике аксиома...

Сталкер по прозвищу Капуцин тоже принадлежал к разряду неудачников. Но не конечных, а тех, кто вполне способен влачить свое существование, не влезая в долги и не наживая себе на каждом шагу врагов. Ценное умение, учитывая, что при этом он был одноглазым, хромым и наполовину чокнутым. И чокнутым отнюдь не в фигуральном понимании. А быть по-настоящему сумасшедшим в наших краях, сами знаете, серьезное испытание. Биомехи и скорги не люди и не питают к блаженным и калекам ни капли жалости.

Свихнулся Капуцин не так, как большинство сходящих с ума сталкеров. Он не просто утратил рассудок и начал нести околесицу. Его «крыша» съехала в отчетливо выраженном направлении – религия. О своем прошлом Капуцин упорно не распространялся. Считалось, что до того, как рехнуться, он принадлежал к членам здешней секты «Пламенный Крест» – так называемым праведникам. Однако заходящие время от времени на Обочину приверженцы религиозного фанатика Дьякона отрицали какую-либо связь колченогого чудака с ними. Кто-то верил сектантам, кто-то – нет. Однако при их появлении у Капуцина мгновенно срабатывал инстинкт самосохранения, и он предпочитал не нервировать праведников своей болтовней на религиозные темы. Псих психом, а ведь осознавал, когда можно открывать рот, а когда лучше попридержать язык за зубами.

Одноглазый калека расхаживал по Обочине в своей неизменной коричневой хламиде, подпоясанной веревкой, и с натянутым на голову капюшоном. Из-под него торчали лишь нос да реденькая, всклокоченная борода. Отсутствующий левый глаз Капуцина всегда был скрыт под широкой черной повязкой. Которая, впрочем, не могла замаскировать виднеющийся под ней уродливый шрам – свидетельство того, каким образом «монаху» не посчастливилось окрипеть. На правой щеке у него торчала столь же малопривлекательная, крупная, как черешня, родинка. Каких-либо имплантов у будного уродца, судя по всему, не было. А из дозволенного на рынке оружия он носил с собой длинный металлический посох – полый и легкий, но вполне способный при необходимости проломить врагу череп.

Капуцин ошивался в Выгребной Слободе не постоянно. С кем и какие дела вел этот сумасшедший, знали единицы, но застать его на рынке было не так-то просто. Некоторые сталкивались с ним на одном из северных черныбыльских блокпостов в компании капитана Коваленко. Кое-кто видел Капуцина в других районах этой локации, но никто и никогда не встречался с ним за ее пределами. Стало быть, в гиперпространственные тоннели он не совался и промышлял лишь в окрестностях ЧАЭС. Оттого, видимо, и не мог позволить себе ни доспехи, ни импланты, ни серьезное оружие, ни большинство утех, что были доступны на Обочине сталкерам.

Капуцин впервые появился на ней пять лет назад и с той поры порядком здесь примелькался. И не важно, что он заходил сюда лишь раз в полтора-два месяца, чтобы пополнить припасы да послушать новости. Его узнавал каждый рыночный дружинник и больше половины встречающихся ему в Выгребной Слободе сталкеров. Друзей у Капуцина не было, знакомых также насчитывалось мало. Так что в баре «Пикник» – главном питейном заведении Обочины – он, как правило, торчал в одиночестве и потягивал самое дешевое пиво.

Вот и сегодня, спустя неделю со дня нашумевшего исчезновения Мерлина, Капуцин переступил порог немногочленного в этот ранний час «Пикника», поприветствовал редких посетителей своим обычным «Мир вам, божии странники!» и, заказав у барменши Кали свое пиво, проковылял с ним в дальний угол бара. Где и расположился за крайним столиком, как всегда бормоча под нос какую-то галиматью.

Сталкеры проводили нового посетителя равнодушными взорами и вернулись к прерванному разговору. Сталкерам было невдомек, как за эти пять лет мне осточертело корчить перед ними безумца и с каким удовольствием я сжег бы на костре свою маскировочную хламиду,

наглазную повязку, бутафорскую бороду и прочий театральный грим. И чего я, разумеется, в ближайшем будущем точно не планировал делать. Сами понимаете: Алмазному Мангусту появляться здесь в своем естественном обличье было бы равносильно самоубийству.

Так что познакомьтесь с еще одной моей конспиративной ипостасью: Капуцин – мой входной билет на Обочину и относительная гарантия здешней безопасности. Атрибуты этого маскарада хранились в одном из моих убежищ и надевались всякий раз, когда мне требовалось наведаться в сталкерский рай. Скромный и даже наивный рай, по меркам обычного мира, но роскошный, как Лас-Вегас, в сравнении с прочими уголками Пятизонья.

Барменша Кали меня откровенно недолюбливала, что было вполне нормально. Эта ворчливая, не вынимающая изо рта сигарету калека не испытывала симпатии к скучным клиентам, пусть даже таковых к ней ежедневно заглаживало большинство. Подобно Мерлину, Асклепию и капитану Коваленко – моему приятелю, речь о коем пойдет ниже, – Кали также принадлежала к сталкерам-универсалам – «жженым». То есть людям, которые в момент Катастрофы очутились внутри барьерных куполов, но по той или иной причине сумели избежать гибели. Кали же и вовсе спаслась тогда натуральным чудом. Лишившись обеих рук, она тем не менее выжила, была эвакуирована за Барьер, а спустя несколько месяцев вернулась обратно. Ничуть не сломленная и готовая сражаться с трудностями уже четырьмя руками – гибкими стальными манипуляторами, которые ей соорудили на заказ в одной из протезных клиник.

Успешной войны с Зоной у Кали не получилось, что, наверное, было и к лучшему. Вместо этого ей удалось осесть на Обочине и при поддержке контролирующей рынок мафии открыть собственный бар «Пикник», ставший со временем самым популярным местом отдыха в Пятизонье. Так что с кем и воевала сегодня Кали, это с пьющими в долг и уваливающими от его уплаты клиентами. А мы – скупердяи – лишь поддерживали в тоне агрессивный настрой барменши. Подобно тому, как пустые бутылки из-под водки помогают охотнику выпустить пар во время неудачной охоты.

– Эй, Капуцин! – не вынимая из зубов сигареты, окликнула меня Кали спустя пять минут после того, как я вошел в «Пикник». – Подойди-ка сюда, кривое чучело! Тут для тебя кое-кто записку оставил. Ну, давай-давай, скрипи суставами – думаешь, охота мне тут на тебя время тратить?

– Капуцин уже идет, о боголепная отрада моего единственного ока! – немедленно откликнулся я, поднимаясь со скамьи. – Идет, о царица сих священных стен, ступив в которые всяк раб божий тут же искупает половину своих грехов!..

– И как только земля еще носит подобных идиотов? – фыркнула Кали, презрительно скривив морщинистое, пожелтевшее от табака лицо. – Столько хороших парней каждый год в могилу сходит, а дуракам все нипочем! Знай себе небо копят и жизнью своей дерьмовой наслаждаются! И хоть бы еще деньгами при этом направо-налево сорили, так нет – над каждой копейкой, гниды, трясутся! Тьфу!..

Не выходя из образа блаженного, я бросил мимолетный взгляд на почетную стену бара. На ней в аккуратном ящичке, под стеклом, висел сувенир, преподнесенный однажды «Пикнику» Алмазным Мангустом (преподнесенный, естественно, не лично мной, а через третьи руки): споротый с моего пилотского комбеза шеврон военного вертолетчика и шесть уложенных рядом револьверных патронов сорок четвертого калибра. Эх, знала бы царица бутылок и пивных бочек, кому именно она сейчас грубит, вмиг устыдилась бы и в качестве извинений угостила бы меня выпивкой за счет заведения!

Увы, раскрывать свою личину Кали я тоже был не вправе. Однако не терял надежды вогнать однажды ее в краску чудесным превращением дурачка Капуцина в зловещего Мангуста. То-то посмеюсь я тогда над хозяйкой этих стен, святости в которых на самом деле было ни на грош, зато совершенных в них грехов – хоть отбавляй.

Надо заметить, что на музейной стене красовался не только мой подарок. Там наличествовало еще десятка три подобных экспонатов, принадлежащих когда-то легендарным сталкерам. У отрезанной от цивилизации Кали было такое хобби: фотографироваться с захаживающими время от времени на Обочину знаменитостями и выпрашивать у них для своей коллекции какие-нибудь безделушки. И когда в один прекрасный день до меня дошла просьба хозяйки «Пикника» тоже отметить у нее в музее, я лишь пожал плечами и сказал: почему бы и нет? Кому-кому, а мне глупо умалять собственную роль в истории Пятизонья. Тем более что даже сам Командор Хантер давно мечтает заполучить от меня сувенир. Причем гораздо более дорогой, чем выпрашиваемый Кали. Тот «сувенир», который я с рождения ношу на плечах и который, будучи отрезанным от них, весьма колоритно смотрелся бы на серебряном блюде, поднесенном Командору кем-нибудь из его верных слуг.

Чего у коллекционерки не имелось, так это моей фотографии. Я знал: Кали предлагала неплохие деньги тому, кто раздобудет четкий снимок Мангуста, и, желательно, с моим автографом. Почему, спросите, я до сих пор не нагрел на этом руки? Просто ждал, когда цена за мое фото поднимется в два-три раза. Чтобы выреченная награда порадовала не только меня, но и Жорика, которого так или иначе придется использовать в этом деле посредником.

– Держи, ублюдок! – процедила сквозь зубы Кали. После чего, выпустив мне в лицо сигаретный дым, вынула из-под стойки и швырнула на нее маленький пластиковый конверт. Он был запечатан и – я знал это почти наверняка – никем посторонним не вскрывался. При всем презрении барменши к таким мерзавцам, как Капуцин, она не нарушала конфиденциальности переписки – того доисторического обмена бумажными посланиями, к которому иногда прибегали сталкеры, не доверяющие местным средствам связи. Или маргиналы вроде Алмазного Мангуста, в чьих руках эти средства связи гарантированно выходили из строя.

– Премного благодарствую, о почтеннейшая! – раскланялся я и добавил: – Господь даровал сегодня Капуцину лучшие кров и пищу, какие только можно найти в этих землях, а теперь вот неожиданными новостями порадовал. И потому в ответ на доброту твою и участие закажет Капуцин, пожалуй, еще одну кружечку пива и чего-нибудь перекусить.

Уточнять, что конкретно мне хочется, было необязательно. Кали могла без труда предугадать, на каком пункте меню я остановлю свой выбор. Самый дешевый бутерброд – излюбленное лакомство Капуцина на все времена, не важно, сытые они бывали или голодные.

Кто написал мне послание, я знал еще до того, как распечатал конверт. Его оставил мой старый знакомый, капитан Матвей Коваленко – командир одного из внешних блокпостов, расположенных на восточном участке Барьера, в поселке Гдень. В действительности записка от Матвея не была неожиданной, как я заявил Кали. За тем и пришел я сегодня на Обочину, поскольку рассчитывал застать здесь Матвея и посоветоваться с ним. Если, конечно, он будет трезв и способен дать адекватные ответы на интересующие нас с Черным Джорджем вопросы.

Наши с Коваленко судьбы были во многом похожи. Мы оба являлись бывшими военными вертолетчиками и закончили одно и то же летное училище. Разве что Матвей сделал это на два года раньше, чем я. Шесть лет назад, при образовании Барьеров, его вертолет также угодил под удар аномальной стихии и упал на пораженной ею территории. Случилось это непосредственно в день Катастрофы, за трое суток до того, как меня постигла аналогичная участь. Как и мне, капитану посчастливилось выжить, но из-за полученных травм пришлось завязать со своим летным ремеслом. Коваленко стал «жженым» и после долгих мытарств, порожденных отчасти его пристрастием к выпивке, закрепился в итоге на своей нынешней должности. Которую он любил не больше, чем я – свою судьбу вечного изгоя и беглеца.

Пребывая все последние годы в состоянии перманентной депрессии, Матвей пил горькую. Что, впрочем, не мешало ему иметь уважение и числиться на особом счету среди подобных ему, «жженных» сталкеров и армейских офицеров. Я не был посвящен в дела их закрытого клуба, коим, по слухам, верховодил сам Механик. Но поскольку мой покровитель Мерлин

пользовался у ветеранов Зоны уважением, то и меня они за врага не считали. И даже пару раз предлагали вступить в ряды своей секретной организации.

Однако я все равно опасался сближаться с ними. Мешала хроническая паранойя и нежелание занимать в сталкерских разборках чью-либо сторону, какие бы благородные цели мне ни довелось при этом отстаивать. Я вел с Зоной свою персональную, маленькую войну, и если ради победы в ней мне вдруг придется стать «темным джедаем» и бросить вызов Механику, будьте уверены – стану и брошу. Без малейшего зазрения своей наполовину атрофированной совести.

В училище мы с Коваленко не были знакомы, и я его не помнил – как-никак разные курсы и выпуски. Года три назад нас свел Пожарский. Познакомившись с командиром Гденьского блокпоста, Семен решил, что нам, бывшим военным пилотам, будет нелишне встретиться. И если не подружиться, то как минимум узнать о существовании друг друга в расчете на вероятную будущую взаимопомощь.

Как и прочие инициативы Мерлина – кроме, естественно, последней, – эта тоже возымела успех. Моя первоначальная мнительность к пьющему в три глотки капитану («Это ж сколько лет такой пропойца сможет беспробудно бухать, заграбастав мои алмазы!») вскоре сменилась на мало-мальски доверительное отношение. Которое впоследствии окрепло до некоего подобия профессионального товарищества – примерно такого, какое связывает двух малознакомых, но служащих в одном авиаполку пилотов.

Где-то раз в полтора-два месяца Матвей появлялся на Обочине по какой-либо служебной необходимости: сопровождал очередную группу ученых, искал переметнувшегося к сталкерской вольнице солдата-дезертира, передавал работающей на рынке под прикрытием армейской резидентуре оборудование и информацию или же выполнял иное задание командования. Само собой, что при этом Коваленко не мог не навестить своих приятелей-«жженных» и не обсудить с ними их общие клубные интересы.

Подобные встречи, как нетрудно догадаться, сопровождались возлияниями, обильность которых напрямую зависела от важности исполняемого капитаном в тот момент приказа. И я очень надеялся, что сегодня командование поручило Матвею крайне ответственную работу, отчего тот пребывает пусть в угрюмом (посетить Обочину и не наклюкаться в доску – что для Коваленко может быть досаднее?), зато здравомыслящем состоянии...

«Если понадобится, я у себя, – говорилось в оставленной мне капитаном записке. – Будь другом, не пользуйся звонком, лучше стучи. Заодно, если есть деньги, прихвати у Кали бутылку «Хортицы». И еще: почаще оглядывайся. Кое-кто намерен расспрашивать о тебе на рынке. Думаю, дело касается Балтики».

Подпись отсутствовала, но письмо было начертано явно рукой Коваленко – его специфический почерк трудно перепутать с каким-либо другим. Что ж, отлично. Сейчас допью пиво, дожую бутерброд, возьму у Кали водку и пойду в «Бульба-Хилтон» – гостиницу при «Пикнике», прозванную также в народе «полузвездочным отелем». Она располагалась в гигантском многоярусном бункере, служившем когда-то овощехранилищем. Там у Коваленко был всегда забронирован номер. По местным меркам – люкс, по мировым – нечто среднее между тюремной камерой и строительной теплушкой. Также он являлся и офисом регулярно навещающего Обочину Матвея, не любившего вести деловые беседы в баре.

Насколько надежно защищены от подслушивания стены капитанских апартаментов, я понятия не имел. Но Коваленко уверял, что волноваться на сей счет не нужно – этот вопрос находится у него под неусыпным личным контролем. Хотя, на мой взгляд, единственное, что исправно контролировал на Обочине Матвей – это наличие у Кали обожаемой им «Хортицы». И если ее запасы не подходили к концу, прочие здешние неудобства беспокоили капитана значительно меньше.

Впрочем, уши на макушке он не забывал держать даже пьяным, и потому я не мог проигнорировать оставленное Матвеем в записке предупреждение.

Кое-кто недавно расспрашивал на рынке о Капуцине... И поскольку Коваленко уверен, что поводом для этих расспросов стали мои недавние «балтийские» похождения, значит, «кое-кем» явно были рыцари Ордена Священного Узла. Учитывая, что прежде кривой хромоногий псих интересовал их не больше, чем меня – антарктические пингвины, в воздухе пахло грозой. Уж поверьте: за годы безостановочной игры в догонялки и прятки я научился чутко подбирать вещи за версту. Так что встречусь с капитаном, а затем поскорее отсюда слиняю. Незачем лишний раз испытывать судьбу, которая и так имеет манеру пинать меня при каждом удобном случае.

Увы – сегодня мой хваленый нюх дал досадную осечку. Если бы это происходило не на нейтральной территории, а в пустошах, подобный просчет стоил бы мне жизни. Здесь же я вроде как отделался лишь легким испугом. Но он все равно был не тем страхом, о каком можно благополучно забыть...

Не успел я впиться зубами в черствый бутерброд, как входная дверь «Пикника» распахнулась, и на пороге нарисовался очередной посетитель. Поскольку клиенты к Кали в этот ранний час заходили редко и народу в баре практически не было, мы поневоле обратили внимание на вошедшего. После чего все, кроме хозяйки, поспешно отвели взгляды. А возобновившиеся разговоры зазвучали на полтона тише, хотя ни она, ни кто-либо еще не просил об этом беседующих сталкеров.

Я задержал взор на пришельце на мгновение дольше остальных, и он явно это заметил. Но как было на него не уставиться, если человек, о котором обиняком упомянул в своем письме Коваленко, вдруг взял и объявился всего в двадцати шагах от меня?

Сталкер-мнемотехник Ипат... Тот самый рыцарь-узловик, давший однажды своему Командору обет поймать меня, чего бы ему это ни стоило, а также отобрать у Дьякона его чудо-артефакт – Священный Грааль. К чести Ипата, он и впрямь несколько раз едва не исполнил свою клятву; этот сукин сын являл собой прямо-таки живое воплощение целеустремленности. И если на сегодняшний день добыть Грааль ему уже не суждено – мы с Жориком изловчились его опередить, – то в охоте на Алмазного Мангуста мнемотехнику еще могло подфартить. Тем паче что он вновь подобрался ко мне на пугающе близкое расстояние.

Одетый в рыцарские доспехи посетитель был в «Пикнике» нечастым гостем. Этим и объяснялась охватившая всех присутствующих настороженность. Считающие себя полноправными хозяевами Зоны, узловики захаживали и на неподконтрольную им Обочину. Более того – даже придерживались общепринятых на ней ограничений. Захватить контроль над сталкерским рынком Командор Хантер в принципе мог, но он этого сознательно не делал. Зачем? Ведь после перехода Обочины в руки Ордена она просто-напросто исчезнет.

Сегодня на ней правили бал не афиширующие себя ставленники Барьерной мафии. Она здорово наживалась на вольных бродягах, зато позволяла им, а также прочим группировкам Пятизонья, беспрепятственно проворачивать под своим крылом любые торговые делишки.

Священный же Узел, приди он тут к власти, моментально выжил бы с Обочины своих врагов и конкурентов. То есть как минимум две трети ее постоянных обитателей. И что осталось бы тогда Хантеру? Одни независимые бродяги и промысловики? Навар с их мелкого бизнеса составлял для мафии лишь пятнадцать-двадцать процентов от всей поступающей с рынка прибыли. Смех! Особенно принимая во внимание, что нынешний рынок давал Ордену заметно больший доход с одних лишь совершаемых под патронажем мафии сделок. Не говоря о ценной стратегической информации, которую в большом объеме добывали здесь агенты Командора.

Орден Священного Узла не стремился завоевать Выгребную Слободу, но его в ней все равно побаивались. Еще бы! Это на Обочине рыцари были гостями, а за ее пределами они могли при необходимости покарать кого угодно, даже невиновного.

Ипат заявился сюда не один. Вслед за ним, подсвистывая сервомоторами, в бар вошел некрупный – величиной с ротвейлера, – четвероногий биомех. В его преображенном Узлом

облике угадывался бывший армейский бот Ползун – автоматический мини-комплекс огневого прикрытия: самоходная платформа, к которой крепилось легкое вооружение, от снайперских винтовок до портативной плазменно-ракетной установки. В данный момент робот, как и подчинивший его узловик, был безоружен, но сталкеры все равно нервно заерзали. Укротителям-мнемотехникам разрешалось проводить с собой на Обочину одного мелкого и безвредного для окружающих биомеха. Однако посещать на пару с ним бар было запрещено.

Кали на столь вопиющее правонарушение отреагировала незамедлительно.

– Эй, брат-рыцарь! – обратилась она к озирающемуся узловику. Обратилась не слишком церемонным, но и не оскорбительным тоном. Таким, какой в «Пикнике» можно было считать официальным. – Наши правила писаны для всех без исключения. Или прикажи своей железяке убраться на улицу, или топай вместе с ней в какую-нибудь дешевую рыночную забегаловку. Я не обслуживаю тех, кто приходит сюда с животными!

Ипат в молчании перевел взгляд на хозяйку. Тяжелый взгляд, недобрый. Я подумал было, что рыцарь со всем присущим их сообществу высокомерием бросит в ответ что-нибудь уничижительное. Но он, не проронив ни слова, обернулся и указал Ползуну на дверь. Тот повиновался и, пятась задом, покинул бар с истинно биомеханическим безразличием.

Удовлетворенная Кали раскурила очередную сигарету и вернулась к ленивой протирке стаканов и стойки. При наличии у барменши двух пар рук она могла заниматься такими делами одновременно.

Ипат обвел глазами помещение и наконец заметил меня. Я с показным безразличием грыз бутерброд и потягивал пиво, успевая между делом бормотать под нос сочиняемый экспромтом бред. Иными словами, как ни в чем не бывало отыгрывал незамысловатую роль придурка Капуцина. Смятение, пережитое мной при виде заклятого врага, улеглось, а мысли в голове вновь упорядочились. Теперь я даже полунамеком не выдавал свою готовность схватить посох и двинуть им узловика, если вдруг тот проявит ко мне агрессию. А подобное вовсе не исключалось. Кто знает, на какой риск способен пойти Ипат ради исполнения своей просроченной клятвы. Не исключено, что он готов даже повздорить с дружинниками, прикончив меня у них на глазах и выковыряв из моего тупа обещанные Командору алмазы.

Всякое возможно.

Главное, не поддаться на провокацию и не наброситься на врага первым. Хитрый Ипат вполне может начать драку так, что он еще и прав окажется. Заставит свидетелей поверить, что защищался от взбесившегося психопата, а они будут только рады это подтвердить. Убийство в «Пикнике» сумасшедшего чревато для Кали не такими плачевными последствиями, как убийство члена Ордена. Призвать ее на свою сторону мне не удастся ни при каком раскладе.

Во мне еще теплилась надежда, что, возможно, я зря дрейфлю и узловик ввалился в бар по вполне обыденной причине: выпить, перекусить, послушать, о чем треплются бродяги. Однако через пару минут надежда эта канула безвозвратно. Тоже купив пива – только, в отличие от меня, самого лучшего, – Ипат отошел от стойки и направился с кружкой в мой отдаленный угол. А подойдя к моему столику, без спроса уселся напротив и дерзко вперил в меня холодный испытующий взор.

– Мир тебе, божий странник! Тебе и твоему благородному братству! – поприветствовал я своего беспардонного соседа. Ипату доводилось прежде слышать мой голос. Но на Обочине я нарочито искажал его хрипотцой – прием, которому научился еще в школе, когда ходил в драмкружок, и отточил за годы своих конспиративных посещений рынка. – Благодарствую, что ты не побрезговал трапезничать за компанию с Капуцином. Или, может быть, у тебя есть ко мне какое-нибудь дело?

– Брось придуриваться, гнида! – процедил сквозь зубы Ипат, не сводя с меня лютых глаз. Говорил он злобно, но негромко – так, чтобы Кали и остальные сталкеры не разобрали, о чем мы толкуем. – Я отлично знаю, кто ты такой на самом деле! Нечего ломать передо мной

комедию, попрыгун хренов! Выбирай: или пойдешь со мной по-хорошему, или это случится по-плохому! Но случится так или иначе, могу поклясться!

Мое настоящее имя, однако, так и не прозвучало. Рыцарь явно не желал поминать его всуе, опасаясь привлечь к нам чье-нибудь внимание. Обычная предосторожность. Когда твоя голова оценивается в триста миллионов долларов, твои враги не желают уступать ее кому бы то ни было еще. И как следствие этого действуют ограниченными силами, без привлечения лишних союзников. Что мне только на руку. Жадность при разделе шкуры непойманного Мангуста изначально обрекает охотника на поражение. Впрочем, с таким матерым ловцом, как Ипат, это правило может запросто дать осечку, и обольщаться заранее мне не нужно.

«А ведь врешь, паскуда, и не краснеешь! – подумал я. – Будь ты уверен, с кем сейчас разговариваешь, черта с два приперся бы в бар и начал меня страшить. Нет, тогда ты просто устроил бы засаду на выходе из Выгребной Слободы. Тебя одолевают сомнения, верна ли твоя догадка, и ее нужно сначала проверить. Что тоже о многом говорит. Почему ты – узловик! – боишься схватить ничтожного Капуцина, не убедившись, что он – это Мангуст? Не потому ли, что до тебя дошли распушенные здесь позавчера Жориком слухи, будто бы Мангуста засекли прячущимся в одном из районов Академгородка. Согласен, дерьмовая уловка. Но она все равно выгнала с Обочины многих моих врагов. Вот и ты опасаясь, что зазря потеряешь время и силы, устраивая мне ловушку здесь, когда я могу оказаться в другом месте. Ты хитер, Ипат, спору нет. Но и я – парень не промах. И не стану соваться в Выгребную Слободу без подстраховки, уж коли судьба наградила меня худо-бедно надежным напарником».

– Никогда не давай напрасных клятв, божий странник. Или ты забыл, чему учит нас Библия? – глубокомысленно прочавкал я, посасывая оставшуюся от бутерброда хлебную корочку. – Никуда Капуцин с тобой не пойдет, и не надейся. Ежели хочешь чего сказать, говори сейчас. А ежели задумал недоброе, так зачем мне тебе в этом потакать и идти у тебя на поводу? Нет уж, прости великодушно! Господь шепчет Капуцину на ухо: сиди здесь, мой верный раб, пей свое пиво и никуда не ходи. Я отродясь не перечил воле Господа, и сегодня этого тоже не случится. Так-то вот.

– Ну а если божий странник возьмет и сорвет у тебя с глаза повязку? Что тогда ты, мерзкое отродье, запоешь, а? – хищно ощерившись, поинтересовался в ответ мнемотехник.

– Тогда Капуцин запоеет пятьдесят восьмой псалом, дабы усовестить тебя, нечестивца, поднявшего руку на калеку, – ничтоже сумняшеся ответил я и сокрушенно покачал головой. После чего, нахмурившись, рассудил: – Нет, наверное, лучше мне спеть эту священную песнь прямо сейчас. Покамест не поздно оградить тебя от постыдного деяния. Ты готов внимать Капуцину, божий странник, или тебя все еще обуревают твои греховные фантазии?

– Пятьдесят восьмой? – усмехнулся Ипат и, на миг задумавшись, продолжил: – Этот, что ли: «Избавь меня от врагов моих, Боже мой, защити меня от восстающих на меня!..» Надо же! А ты и впрямь неплохо вызубрил свою роль, чертов лицемер. Хотя я подумал, что ты проблеешь мне псалом под номером тридцать три. Тот самый, который Давид распевал, когда притворялся безумцем перед царем Авимелехом. По-моему, эта песнь звучала бы из твоих уст гораздо натуральнее.

«Да пропади ты пропадом, теолог хренов! Вот привязался!» – мысленно выругался я, а вслух добавил:

– Ты очень умен и начитан, божий странник, однако шел бы ты лучше своей дорогой подобра-поздорову. Зачем пытаешься обидеть Капуцина? Он что, когда-то причинил тебе зло? Ладно, валяй, обижай! Однако знай: мир не без добрых людей! Наверняка поблизости найдется добросердечная душа, готовая вступить за слабого и униженного.

– К чему гадать, когда это легко проверить? – пожал плечами узловик. – Ори хоть до посинения. Все видят, что я тебя не бью и не издеваюсь над тобой, а просто хочу взглянуть на твой покалеченный глаз и только...

И Ипат протянул ко мне руку, собираясь утолить свое любопытство, невзирая на мои протесты. Это был отчаянно рискованный ход – провоцировать меня взяться за посох. Ведь если я действительно Мангуст и мои нервы сорвутся, мой удар будет молниеносным. И проломит противнику голову еще до того, как тот отдернет руку и выхватит свое оружие...

Но я помнил, что дал себе зарок не поддаваться на Ипатовы подначки. Вместо активного сопротивления я решил заорать во всю глотку: «Помогите, люди добрые, он хочет меня задушить!» Постыдная реакция для Мангуста, но вполне естественная для Капуцина. Возникнет скандал, Кали свистнет дружинникам, и те тактично напомнят распоясавшемуся рыцарю, что он не на Казантипе и должен вести себя в рамках приличий...

Однако едва я набрал в грудь воздуха и открыл рот, как Ипат неожиданно пошел на попятную. Он опустил тянущуюся к моему лицу длань на стол, после чего вмиг подобрел и изрек:

– Хм, хотя, пожалуй, ты прав: к чему нам насилие, даже такое безобидное? Хорошо, готов признать: мы неправильно начали наш разговор. Каюсь, я был не прав и вел себя слишком грубо. Давай начнем общение заново. Ты уповал на помощь добросердечной души, готовой за тебя заступиться? Я и есть такая душа, просто ты не сразу это понял. Слыхал, поди, о том, что у нас в Цитадели полным-полно глазных имплантов? Таких, ради которых многие сталкеры без раздумий продали бы Международному Банку Органов сразу оба своих глаза. Хочешь заполучить себе такой модный гаджет, Капуцин? Ведь хочешь, не отнекивайся. И ты получишь его от нас в подарок, клянусь перед лицом всех здесь присутствующих. Но сначала позволь взглянуть, насколько сильно повреждена у тебя глазница. Нужно оценить характер помощи, которую готов безвозмездно оказать тебе Орден. Ведь он, как известно, не только судит преступников, но и заступает за несчастных калек вроде тебя.

Последние его слова прозвучали нарочито громко, и их уже слышал каждый, кто находился в баре. Проклятье! Как ни старался я не клонуть на рыцарскую уловку, этот прохвост меня переиграл и загнал в угол, из которого не так-то легко вырваться.

Узловик не лгал. Иногда на Командора и впрямь находила блажь, и он, уподобившись Мерлину, помогал покалеченным в пустошах, лояльным к Ордену бродягам. Обычно это происходило после какого-нибудь громкого и скандального судилища, что часто учиняли рыцари над своими врагами. Дабы сгладить последствия и отмыться от очередной грязи, Командор и его приоры дружно ударялись в благотворительность. Конечно, это не могло отбелить начисто их одиозную репутацию. Но прошедшие у них лечение сталкеры были премного благодарны судьям Зоны и разносили молву об их благородных поступках. Чем в итоге лили воду на орденскую мельницу, не позволяя другой молве – дурной и враждебной – выставять Орден скопищем озверелых палачей и подонков.

Ипат рассчитал все правильно. Капуцину и впрямь было бы грехом не воспользоваться редчайшим шансом на халявное лечение. Вся Обочина знала, что Капуцин – не гордец и, несмотря на свои бзики, является прагматичным человеком. Отсутствующий глаз – это не оторванный палец, без которого сталкер вполне может обойтись. Без глаза в Пятизоне тяжело, особенно если ты вдобавок хромоног и не выглядишь воинственным.

Привлеченные нашей беседой сталкеры обернулись и уставились на меня. Всем стало любопытно, как яотреагирую на милосердное предложение Ордена. И даже во взоре суровой Кали появилось нечто похожее на подбадривание: дескать, чего не мычишь и не телишься? Давай соглашайся, кретин, пока предлагают! Ну а откинешь копыта на операционном столе, так под наркозом же! Все веселее, чем подыхать в муках посреди пустоши...

Да, сегодня Капуцину и впрямь невероятно повезло бы. Но я, к сожалению (или все же к счастью?), был не Капуцин. И не собирался ни при каких условиях срывать повязку с глазницы, в которой торчал алмаз весом в пятьсот с лишним карат. Ипат, разумеется, мог истолковать

мою строптивость как угодно. Но я не сомневался, что сделанные узловиком выводы будут правильными, и мой отказ отыгнется мне очень и очень скоро.

Одно утешало: нынешняя моя стычка с Орденом обойдется без кровопролития. Дурак за нашим столом сидел всего один – Капуцин, – и тот был фальшивый. А Алмазный Мангуст и Ипат в открытую драку друг с другом не полезут – не здесь и не сейчас. Это было совершенно очевидно.

– Капуцин премного благодарит тебя за милосердие, божий странник, – молвил я, придав лицу смиренное и дружелюбное выражение. – Однако Господь лишил меня глаза не со зла, а в расплату за былые грехи. И потому негоже гневить Всевышнего, противясь Его воле и пытаясь вернуть себе то, что было отнято в назидание на будущее. Извини, божий странник, но согласиться на твоё предложение Капуцин не может. Поэтому ступай себе с миром, и да запомнит Бог и все присутствующие здесь твою доброту и бескорыстие.

Кали скривила презрительную гримасу, сплюнула в раковину и вернулась к протирке стаканов. Кто-то из сталкеров прыснул, кто-то покрутил пальцем у виска, кто-то пробормотал ругательство, лаконично характеризующее сделанный мной выбор. А получивший отказ Ипат расплылся в довольной, многозначительной улыбке и, понизив голос почти до шепота, произнес:

– Что ж, признаюсь: этот твой ответ обрадовал меня гораздо сильнее, чем какой-либо другой из вероятных. Рад, что все в итоге прояснилось. По крайней мере для меня. Давненько мне не выпадал такой удачный день. А если быть точным, то с августа, когда в Сосновом Бору меня едва не растерзал дракон. Всех братьев из моего отряда прикончил, а мной побрезговал, представляешь? И тогда я понял: это знамение! Знак свыше от Господа, коего ты, лицемер, на самом деле ни в грош не ставишь! Бог сохранил мне жизнь с одной-единственной целью: чтобы я исполнил данную однажды Командору клятву. Какую именно, тебе объяснять не нужно – по роже вижу, что понимаешь. И – хвала Небесам! – этот день наконец-то настал! Теперь тебе от меня не скрыться! Прошли те времена, когда ты раз за разом оставлял нас в дураках. Прошли и больше не вернутся. Ну а пока наслаждайся остатком своей жалкой жизни. Такой же дешевой и кислой, как та моча, какую ты тут хлебаешь.

И, осушив залпом свою кружку, демонстративно грохнул ею по столу. После чего поднялся со скамьи и, не оборачиваясь, зашагал к выходу.

Не выходя из образа Капуцина, я перекрестил спину удаляющегося узловика и, не обращая внимания на любопытные взгляды сталкеров, неторопливо завершил трапезу. Я не выказывал беспокойства, но на душе у меня скребли кошки. Такие свирепые, что их когти, того и гляди, норовили пропороть изнутри мою шкуру и вырваться наружу.

Да, не вовремя нелегкая опять столкнула нас с Ипатом. Черта с два он отправится теперь в Академгородок. Наверняка через час, а то и меньше, сооружаемая узловиками западня на Мангуста будет готова. А мне, вместо того чтобы поспешно уносить ноги, нужно еще обязательно навестить капитана Коваленко. И не забыть купить ему водки. Впрочем, я и сам не отказался бы сейчас выпить. Для успокоения нервов. И выпью – кто мне запретит? Другим-то способом, чую, улучшить в ближайшее время себе настроение вряд ли удастся...

Глава 3

Гостиница «Бульба-Хилтон» получила свое название не в честь легендарного гоголевского героя Тараса Бульбы, а по причине куда более прозаической. Секрет прост: давным-давно, во времена еще первой чернобыльской катастрофы, в огромном бункере, где ныне располагался наш «полузвездочный» отель, находилось многоярусное овощехранилище.

Никаких овощей здесь не хранилось вот уже почти семь десятилетий. Но ступив в ворота уходящего глубоко под землю сооружения, можно было якобы и по сию пору унюхать едва уловимый запах гнилой картошки. Выросшей, надо полагать, еще в Советском Союзе, чью суровую ностальгическую ауру излучали бетонные стены хранилища.

Кому как, но я, если честно, никакого картофельного запаха тут не ощущал. Ни сегодня, ни когда-либо еще. Наверное, подобный миф выдумали какие-нибудь здешние фантазеры, желавшие придать этому далеко не романтичному месту хотя бы толику легендарного шарма. Впрочем, кое-какие ароматы из глубин бункера все же долетали. Но это была банальная сырость, от которой не спасала даже оборудованная в гостинице современная система вентиляции.

Однако редкий постоялец отеля жаловался его администратору – немоу карлику по прозвищу Топотун – на сырость и прочие местные неудобства. Для измотанных походами по Пятизону stalkеров нары «Бульба-Хилтон» казались прямо-таки королевскими полатами. А атмосфера в охраняемой рыночными дружинниками гостинице – мирной и вполне уютной.

Сюда – в полутемные комнаты и казармы, – stalkеры приходили лишь затем, чтобы принять ванну и всласть отоспаться. И поэтому, несмотря на неизменно большое число постояльцев, в отеле всегда царила относительная тишина. А в ней, словно напоминание об оставшихся снаружи опасностях, то и дело раздавался гулкий набат шагов. Это Топотун неустанно обходил свои подземные владенья, надзирая за соблюдением гостиничного режима. А также напоминая готовящимся к выписке клиентам, чтобы перед убытием те провели у себя в номере тщательную уборку. А кто с таким условием не согласен, тому вход в «Бульба-Хилтон», начиная с этой минуты, настрого воспрещен. Ничего не поделаешь: горничных у Топотуна нет, а содержать роботов-уборщиков слишком опасно. Того и гляди, подхватят какой-нибудь нановирус и, превратившись в биомехов, передушат постояльцев во сне...

Сидящий за стойкой – под стать карлику, такой же низенькой – Топотун приветствовал меня – старого знакомого, – радушнее вечно озлобленной Кали. Не знаю, с чего он решил, будто я понимаю язык немых. Но прежде чем позволить мне задать вопрос, коротыш целую минуту, улыбаясь, рассказывал мне что-то посредством энергичной мимики и жестикуляции.

– Да ну? Кто бы мог подумать! Вот уж не говори, добрый человек, – покачивая головой, с наигранным пониманием ответил я. После чего перешел к делу: – А как поживает божий странник Матвей из Гдени? Он еще тут? Никуда срочным приказом не отправлен?

Карлик щелкнул себя пальцем по кадыку, а затем притворно закатил глаза и приложил сложенные вместе ладони к щеке. Здесь уже все было предельно ясно без перевода: Коваленко, как всегда, упился до бесчувствия и теперь отсыпается. В завершении своей пантомимы Топотун соорудил донельзя кислую мину и помотал головой: дескать, навещать сейчас капитана решительно не советую.

– Все в порядке, добрый человек. Матвей ждет Капуцина. И свое лекарство, – заметил я, показав торчащее из кармана хламиды бутылочное горлышко. В ответ на это администратор лишь развел руками и протяжно вздохнул. Коваленко считался у него одним из лучших клиентов, поскольку всегда вовремя вносил плату за свой забронированный номер. И потому Топотун не мог не пустить к капитану гостя, а тем паче гостя, принесшего водку...

Комната Матвея находилась на первом – самом привилегированном и наименее сыром, – ярусе «Бульба-Хилтон». Пройдя в конец главного коридора, я остановился у крайней справа двери и уже занес конец посоха над сенсором мнемозвонка (касаться его пальцем мне – убийце электронной техники, – как вы понимаете, было категорически противопоказано), но вовремя вспомнил о содержащейся в капитанской записке просьбе. Не о покупке спиртного, а о первой. Ну, той самой!..

Вы ее тоже вряд ли успели забыть. «Будь другом, не пользуйся звонком, лучше стучи» – припоминаете? Или стоит уточнить, в чем заключался смысл этого наказа? Ага, вижу, многие из вас понимающе кивают. Знакомая ситуация, верно? Мнемозвонки – отличное изобретение, бесспорно. Когда настроенный на ваши мозговые импланты телепатический сигнал мнемозвонка достигает их, его слышите лишь вы и больше никто. Удобно? О да! Кроме одной ситуации. Если ваша голова раскалывается с похмелья, удобство это кажется не таким уж прогрессивным, а натуральным пережитком Средневековья, особо изощренной инквизиторской пыткой.

Я, конечно, был бы рад избавить Матвея от мучений, однако открывать дверь на стук он упорно отказывался. Опасаясь перебудить соседей и нарваться на ссору, я обреченно вздохнул и, скрепя сердце, воспользовался достижением научно-технического прогресса. В этом случае мне также грозил скандал, но его зачин будет не на моей совести. Коваленко сам виноват в том, что не проснулся от стука. Однако не стану же я топтаться под дверью как бедный родственник, да еще с непочатой бутылкой в кармане?

Как и любой другой пыточный инструмент, мнемозвонки действовали на капитана жестоко, но безотказно. Его соседям повезло, что во сне у него пересохло горло. При пробуждении оно запершило и тем самым вынудило Коваленко браниться вполголоса, без ожидаемого мной крика и шума. Когда же хозяин, впусив меня в номер, промочил наконец глотку водой из фляжки, почти вся злость в нем перегорела. А ее последние тлеющие угольки погасли сразу, как только я вынул из кармана и выставил на стол «Хортицу».

– Аллилуйя! – воздев руки, расплылся в улыбке Матвей, и его вставные железные зубы заблестели в свете тусклой лампочки не хуже моих алмазов. – Так уж и быть, ты прощен! Но выкинешь такое еще раз, пеняй на себя!.. Ладно, запри дверь и можешь говорить со мной нормальным языком, без всей этой маскировочной словесной белиберды.

Я обвел глазами обшарпанные и растрескавшиеся стены капитанского «люкса» и скептически поморщился. Их безопасность никогда не внушала мне доверия. Даже тщательно проверь Коваленко намерен свой номер и не найди шпионских «жучков», они могли «наползти» сюда, пока хозяин пребывал в отключке.

– Не дрейфь! – подбодрил меня Матвей, перехватив мой настороженный взгляд. – Здесь все чисто, как в кабинете генерального прокурора. Уверен на сто один процент, чтоб мне больше век к бутылке не прикладываться.

Клятва Коваленко священными для него вещами меня заметно утешила. Значит, он действительно не сомневался в «стерильности» своего обиталища и эффективности способа, которым она достигалась. Что ж, отрадно слышать. Одно беспокоит: рассчитывали или нет создатели этой системы безопасности на то, что ей придется работать в экстремальных условиях? А конкретно: при высокой концентрации в воздухе алкогольных паров? Которые даже при наличии в «Бульба-Хилтон» вентиляции практически не выветривались из комнаты Матвея.

Обычный человек на месте Коваленко при таких темпах пьянства еще два-три года назад склеил бы ласты от цирроза или иного летального недуга. Однако в теле Матвея было столько «жженных» имплантов, что они контролировали его организм не хуже моего алмазного паразита. В том числе промывали Матвею кровь и чистили печень. Контроль этот, естественно, не мог продолжаться вечно. Вдали от Пятизона вся работающая на аномальной подпитке телесная «начинка» давно вышла бы из строя. И здесь она наверняка рано или поздно выработает

свой ресурс – такое уже не раз случалось со многими подобными капитану сталкерами. Но пока имплантированная в него система искусственного жизнеобеспечения функционировала без сбоев, и Матвей радовался каждому прожитому дню как празднику.

Ну а какой праздник без выпивки?..

– Ладно, лейтенант, вздрогнем! – дал отмашку хозяин после того, как поднес мне полстакана «Хортицы» и плеснул себе в другой стакан столько же. Матвей обращался ко мне «лейтенант» лишь по армейской привычке, поскольку сам до сих пор состоял на военной службе. Обращался, но не требовал от меня – формального дезертира, – ответного соблюдения субординации. Поэтому я называл Коваленко по-дружески: просто капитаном, не добавляя обязательного при обращении к старшему по званию «господин». На что он никогда не обижался, ибо, похоже, вообще не имел такой привычки – затаивать обиду на кого бы то ни было.

Вздрыгнули. По-простецки, молча, без приличествующих случаю тостов. Капитану с тяжкого бодуна было не до церемонностей, а я скромно промолчал. Да и к чему они нам, эти тосты? Сегодня мы с Матвеем не столько отмечали встречу, сколько лечились: он – от похмелья, а я приподнимал испорченное мне Ипатом настроение. А где это видано, чтобы прием лекарства вовнутрь сопровождался здравицами и звоном стаканов?

Пока первая водочная порция растекалась у меня по венам, я поведал Коваленко без утайки о двух своих животрепещущих проблемах. Сначала о той, из-за которой я сюда пожаловал, а затем о второй, что вдруг нарисовалась передо мной в «Пикнике» полчаса назад. Найденные у Дикого Сварщика очки Мерлина живо заинтересовали капитана. Взяв их у меня, он уселся на нары и, привалившись спиной к стене, стал дотошно рассматривать на свет нашу единственную и потому бесценную улику.

– Насчет Ипата я тебя в письме предупредил. Очень надеялся, что ты поймешь, о ком идет речь, – сказал Матвей, не отрываясь от изучения стекол очков, покрытых мелкой сеткой нарезных узоров. – Ипат по рынку со вчерашнего утра шастает, о Капуцине выспрашивает. Наверняка до него дошли слухи, что Мангуста засекли в Академгородке, но узловик на твою провокацию не поддался. Видать, неплохо этот сучий потрох изучил твои повадки, раз сумел так близко к тебе подобраться.

– Что есть, то есть, – не стал я отрицать, ощущая долгожданный прилив «лекарства» к голове. – Таких ловкачей – один на тысячу. Самое забавное, что мне уже четырежды выпала отличная возможность прикончить Ипата. Но всякий раз возникала какая-нибудь помеха, которая не позволяла это сделать. Как, например, сегодня, когда он сидел от меня на расстоянии вытянутой руки. А я, вместо того чтобы свернуть ему шею, был вынужден корчить из себя придурка! А теперь вот гадай, как отсюда удрать, да так, чтобы не рассекретить Капуцина.

– Выбраться с Обочины я тебе помогу, – пообещал капитан. – Послезавтра меня попутно заберет отсюда наша дозорная группа, и мы двинем дальше, на Гдень. Пройдешь с нами столько, сколько потребуется, чтобы отвязаться от Ипата. Разве что тебе не по пути будет, ну тут уж извини...

– Огромное спасибо, капитан, однако не думаю, что...

– А, ладно, не благодари, – вяло отмахнулся идущий на поправку и потому исполненный благодушия Коваленко. – Свои люди, как-нибудь сочтемся. Давай-ка лучше, лейтенант, прижми на грудь еще по сто. Аккурат в честь утряски одной из твоих насущных проблем... Вот черт!

Внезапно он, доселе позевывающий и полусонный, встрепенулся, рывком поднялся с нары и поднес рассматриваемые очки к свисающей с потолка лампочке.

– Вот черт! – повторил Матвей спустя полминуты, в течение которых он вертел улику так и эдак, глядя на нее под разными углами при усиленном освещении. Я молчал, выжидая, пока хозяин сам раскроет мне всполошившую его причину.

– А вот вторую твою проблему, лейтенант, мы, похоже, так легко не устраним, – молвил посуровевший командир Гденьского блокпоста, опускаясь на стул. Но, прежде чем снова заговорить, отложил очки в сторону и повторно разлил по стаканам водку. – Вспомнил я, где еще попадались такие странные узоры на стеклах. Слыхал небось про уникальное местное чудюдо по кличке Троян?

– Не только слыхал, но однажды даже с ним сталкивался, – ответил я. – Это ведь он, по всем приметам, сбил меня в пятьдесят первом над Курчатником. Я и понять не успел, с кем воюю, как бабах! – и мне капец.

– Ну да, вспомнил: ты ж мне о том сражении еще в первую нашу встречу рассказывал. Совсем, блин, днище у котелка прохудилось под старость лет! И ведь не запаляешь – для таких дыр у природы заплаток не предусмотрено... – В качестве символического самонаказания капитан легонько постучал себя ладонью по лбу. – Но вернемся, значит, к нашим «троянам»... Дрянь эта, как ты знаешь, есть колония объединенных общим разумом нанороботов; самая продвинутая во всех отношениях агломерация скоргов. Причем официально Троян давно не миф. Это я тебе со всей ответственностью заявляю, чтоб мне век больше к бутылке не прикладываться! Лично читал служебные бюллетени, где описаны двадцать два реальных, похожих на твой, случая столкновения с Трояном. Счет этих встреч, как легко догадаться, был на тот момент двадцать два – ноль не в нашу пользу. В общем, носится эта тварь по Пятизону и по сей день. С какой целью, одной ей ведомо. Но все, кто встанет у нее на пути, гибнут. В том числе, что характерно, и технос. А теперь касательно царапин на стекле... Нет, сначала я, пожалуй, выпью. Ты поддерживаешь? Отлично! Раз так, тогда бери стакан...

Вздрыгнули повторно. На тарелке перед нами лежала оставшаяся со вчерашней гулянки снедь, вроде того заскорузлого бутерброда, который я сгрыз в баре. Коваленко закусывать после второй не стал. Но я, как менее выносливый в этом виде спорта человек, потянулся за допингом – ломтиком копченой колбасы.

– В армейской инструкции такого не было, но если верить тому, что я слышал, – продолжил хозяин, гостеприимно подвинув ко мне тарелку, – аналогичные узоры оставались на зрительных сенсорах тех биомехов, с которыми дрался Троян. И которых он, по известной лишь ему причине, повредил, но до конца не уничтожил. Причем заметить – узоры он оставлял исключительно на линзах. Обычные стекла таких отметин не получали.

– Наверняка эти непонятные автографы Трояна обнаружил Механик, – догадался я, жуя скромное капитанское угощение. – Простым сталкерам и в голову не пришло бы всматриваться в «глаза» убитых – а вернее, добытых ими за Трояном – тварей. Лишь председатель вашего клуба мог додуматься до подобного исследования.

– В точку, лейтенант! – подтвердил Коваленко. – Именно Механик нам об этих знаках однажды упомянул. Тогда я не придавал его рассказу особого значения – подумаешь, какие-то дурацкие фигурные царапины на линзах! И вспомнил о них только сегодня – когда ты мне эти очки показал. Суммируя известные нам факты, можно сделать неутешительный вывод: Троян напрямую причастен к исчезновению Мерлина. И велика вероятность, что твоего покровителя и моего хорошего друга больше нет в живых. Скорблю вместе с тобой, лейтенант. Э-хе-хе, какого, однако, замечательного человечика лишился мир!..

И «Хортица» вновь забулькала в стаканы.

– Ты сказал, что Троян не убивал биомехов, которых он клеймил «глазной» меткой, – угрюмо проговорил я, понурился головой. – И может статься, это его правило распространяется на людей. Почему нет? Возьми и поставь себя на место Трояна...

– Не-а. При всем желании не могу, – мотнув головой, перебил меня начавший хмелеть Матвей. – Он не пьет, а я не распадаюсь на наночастицы, и этим все сказано. Нам с Трояном друг друга не понять. Как там изрек классик? Запад есть запад, восток есть восток, и ни

хрена им вместе каши не сварить... Извини, что-то я малость расклеился. Кажись, вчерашние дрожжи во мне еще не перебродили.

– Я хотел сказать, что, допустим, напавший на Мерлина Троян изначально не планировал его убивать, – продолжал я, пропустив пьяные разглагольствования собеседника мимо ушей. У меня в голове тоже шумела водка. Но то ли отсутствие в моей крови «вчерашних дрожжей», то ли давящий на психику груз проблем мешали мне нормально опьянеть. – Итак, Троян атакует группу Пожарского. Скорг – машина, и подчиняется внесенным в его программу установкам. И в одной из них прописано примерно следующее: поставить «автограф» на зрительных сенсорах дезактивированного противника. Знакомы Трояну старинные очки с настоящими линзами? Наверняка нет. Ими сегодня во всем мире пользуются лишь единицы. А в Зоне такие, пожалуй, только Мерлин носил. Вот программа скорга и принимает их по ошибке за зрительные сенсоры, подобные тем, какие установлены у биомехов. Троян, не задумываясь, автоматически клеймит очки Семена, а потом...

Я осекся. Действительно, а что потом? Можно сутки напролет фантазировать по поводу того, что стало с Пожарским, но так и не докопаться до истины. Я был склонен согласиться с Коваленко: в данный момент Мерлин и впрямь скорее мертв, чем жив. Похищал ли Троян прежде сталкеров живьем? Убивал – да, и не раз, но если кого похищал, обратно никто из них уже не вернулся. В общем, с чего начали, к тому же в конце концов и пришли. Разве что раскрыли, кто приложил свою искусственную руку к убийству легендарного исследователя Зоны.

– По мне, мысль вполне здравая, – оценил мою гипотезу капитан, глубокомысленно созерцая налитую в стакан водку. – И если бы мой еще при жизни заспиртованный мозг мог расшифровать каракули Трояна, глядишь, ты бы мне за это в награду вторую бутылку купил. Но увы и ах, лейтенант: дешифровщик из меня, как из Дьякона – мать Тереза. Я в этой идеограмме смысла не больше тебя. Хотя раз уж зашла речь о том, кому идти на поклон к Кали за добавкой, имей в виду: мне она больше в долг не даст. Я свой лимит почти на месяц вперед исчерпал, а ведь мне здесь еще двое суток, как проклятому, торчать.

– Я схожу, – ответил я, похлопав себя по карману с деньгами. – И не за одной. Сколько скажешь, столько и принесу. Но в благодарность за это ты как можно скорее устроишь мне встречу с Механиком. Договорились?

– Вот опять он за старое! – стукнув кулаком по столу, огорченно буркнул Матвей и посмотрел на меня исподлобья. – Знал бы ты, как меня обижает этот твой неуместный прагматизм! Ты – мне, я – тебе... Будто на рынке торгуешься, а не с товарищем за одним столом выпиваешь, честное слово! Неужели нельзя просто сказать: мол, капитан, так и так, помоги – позарез нужно увидеться с Механиком. Или решил, что без бутылки ко мне – отъявленному пропойце – с такой просьбой не подкатишь? И не совестно, а?

– Не дуйся, – ответил я. – Знаю, что ты помог бы мне безо всяких встречных условий. Тем более что с Механиком мы уже встречались, и ему нечего меня опасаться. Все, что мне от него нужно, это чтобы он взглянул на очки Мерлина и попробовал расшифровать метку Трояна. Механик не откажется на нее взглянуть и – чем черт не шутит? – наверняка даст какой-нибудь полезный совет. А то и не один... Однако почему же я не могу отблагодарить тебя за помощь? Разве забота о душевном благополучии товарища является признаком торгашеского прагматизма?

– Хм... да, к такой формулировке вопроса я претензий не имею, – развел руками Коваленко. – Ты прав: трезвость влияет на мое душевное благополучие самым пагубным образом... С Механиком я свяжусь, как всегда, после обеда в условленное время и передам ему твое пожелание. Но при таком раскладе, видишь ли, одна нестыковочка вырисовывается. Чтобы застать нашего «айболита» в Чернобыле, тебе придется поторопиться. Завтра к вечеру его уже здесь не будет. А это значит, что я и мои бойцы не сумеем прикрыть тебя послезавтра от орденских

ублюдков. До ворот я тебя, конечно, провожу, но дальше не получится. Приказ не велит отлучаться от координационного пункта и ввязываться в посторонние конфликты. Весьма сожалею, лейтенант, что так нехорошо все складывается, но если Механик тебе и впрямь срочно нужен, иначе нельзя.

– Ничего, выберусь как-нибудь – впервой, что ли? – отмахнулся я. – К тому же в километре от Выгребной Слободы меня дожидается напарник. Аккурат на случай, если придется уходить отсюда с боем. Парень этот, к сожалению, умом не блещет, но под моим руководством кое-какие успехи делает и прикрыть меня тоже может. Так что выкрутимся, я надеюсь.

– Да, ты уж, будь другом, хорошенько постарайся, – наказал Матвей. – Век себе не прошу, если эта наша встреча станет последней.

– Не станет, – пообещал я, правда, без особой уверенности. – Однако «вздрагивать» я на сегодня, пожалуй, воздержусь. Как-нибудь позже навестаем, хорошо?

– Как знаешь, – не стал возражать капитан и поднял свой стакан. – А вот я продолжу... Пью за то, чтобы тебе всегда сопутствовала удача! Особенно в ближайшую пару дней. Ну-у-у-у... и за наше душевное благополучие, да не иссякнет его источник у Кали ни ныне, ни присно, ни во веки веков! Аминь!

И, запрокинув голову, влил в себя очередную порцию «высокооктанового горючего», на котором организм Коваленко функционировал вот уже несколько лет кряду...

Глава 4

Я забрал из рыночной камеры хранения свой потертый «штурм», который, дабы не вызывать подозрений, всегда сдавал при посещении Обочины, и в очередной раз проклял своего энергетического паразита. Из-за него это оружие Капуцина было бутафорским. Побывав в моих руках, оно испортилось сразу после того, как я снял его с одного мертвого охотника за алмазами (как и отчего он умер, лучше не спрашивайте), и с тех пор не подлежало ремонту.

Сейчас, когда за стенами Обочины меня подкарауливал Ипат, было бы кстати иметь под рукой мой старый верный «кольт-анаконду» сорок четвертого калибра. Уверен, он бы меня и сегодня не подвел. Одна проблема: сдать его рыночным привратникам фактически означало предъявить им визитку с подписью «Алмазный Мангуст». Как и очки Мерлина, мое оружие являлось уникальным и приметным, ибо таким доисторическим револьвером ныне в Пятизоне пользовался лишь я.

В данный момент весь мой арсенал, кроме ножа, находился на сохранении у Жорика. Как я и сказал Матвею, напарник дожидался меня неподалеку от Выгребной Слободы. А именно – к юго-западу от нее, среди торчащих на холме руин метеорологической лаборатории. Заросшие металлорастениями-автонами с острыми как бритва листьями и лишенные крыши развалины не особо привлекали к себе сталкеров, тем более что до Обочины от холма было практически подать рукой. Вот почему я и наказал Дюймовому отсиживаться в этом неприглядном месте и пару-тройку дней не показываться никому на глаза.

Какую бы гадость ни задумал Ипат, он знает: я не стану сбрасывать личину Капуцина сразу по выходу из ворот рынка. Мне придется так или иначе доиграть роль сумасшедшего калеки до конца. И лишь удалившись прочь от любопытных глаз, я мог позволить себе вернуть свой истинный облик.

Впрочем, мнемотехник тоже сталкивался с кое-какими трудностями. Напасть на меня у стен Обочины он не дерзнет. Дружинники не допускают вблизи нее перестрелок, ведь шальные пули и осколки не понимают, что им нельзя залетать на демилитаризованную территорию. Ипату придется охотиться за мной примерно на том же расстоянии от рынка, на каком я осмелюсь сбросить свою маскировку. Это даст мне небольшое преимущество. А вот отсутствие солнца на небе и нормального оружия играет уже не в мою пользу. Если враг проявит расторопность – а прежде он не давал повода в этом усомниться, – нам с ним не разминутся. Тогда-то и выяснится, станет ли сегодня Орден на триста миллионов богаче или я продолжу радоваться жизни и дразнить Командора блеском своих драгоценных камней.

Распрощавшись с Коваленко, я миновал рыночные ворота и остановился. Грохот захлопнувшейся за спиной стальной двери и лязг запора прозвучали в моих ушах, словно гонг, дающий старт предстоящей мне смертельной схватке. Противник, как и ожидалось, пока не показывался мне на глаза. Но орденские соглядатаи из Выгребной Слободы наверняка уже донесли Ипату, через какой выход я покинул Обочину. И поэтому пружина его капкана была взведена раньше, чем привратники заперли за мной дверь.

С минуты на минуту мой короткий визит в сталкерский рай завершится. Я доживал последние безмятежные мгновения своего вынужденного отпуска, за которым вновь маячила череда суровых и суетливых будней. К этому часу весь хмель у меня из головы выветрился, и настроение мое было под стать раскинувшемуся передо мной мрачному черномыльскому ландшафту.

Ладно, хватит топтаться на месте, словно актер, забывший на сцене текст своей роли. Подсказки от суфлера не будет, как нет здесь и самого суфлера. Придется импровизировать на ходу. И надеяться, что мой экспромт окажется виртуознее задумок автора пьесы, в которой он коварно принудил меня участвовать...

Уже в сотне шагов от оазиса цивилизации, каким с натяжкой можно было назвать Обочину, земля становилась труднопроходимой. Натоптанная у входа на рынок тропа практически исчезала. Извилистые буераки, завалы, воронки, выжженные до спекшейся корки участки почвы и вывороченные из нее каменные глыбы чередовались друг с другом в полнейшем беспорядке. И повсюду – остовы и искореженные фрагменты техноса, подбитого со стен Обочины бдительными дружинниками. Попадались и ловушки, но на окраине локации их было гораздо меньше, чем в центре, вокруг «тамбура».

Опираясь на посох, я торопливо ковылял на юго-запад. Дабы не проморгать Ипата, приходилось останавливаться возле каждого встречного остова, озираться и вслушиваться, не подкрадывается ли ко мне подлый враг. Наверняка часовые следили за мной с дозорных вышек, так что нужно было доиграть роль Капуцина по возможности без эксцессов. То-то удивятся дружинники, рвани вдруг он по пустоши напрямик, сигая через широкие рвы и перепрыгивая с разбегу груды хлама и разбитую технику. Удивятся и при следующем моем визите на рынок непременно расспросят, каким образом калеке удаются такие выкрутасы.

И как прикажете оправдываться перед этими любопытными?

Первые признаки угрозы я заметил на очередной остановке у раздолбанного остова биомеха. Кто-то подкрадывался ко мне с юга, планомерно отрезая от холма, к которому я направлялся. Почудилось? Вряд ли. Я не первый год играю в эти игры и накрепко усвоил: девять из десяти здешних галлюцинаций – явь. Причем явь отнюдь не миролюбивая. И если вы сомневаетесь в своих силах, лучше держитесь от нее подальше.

Против команды рыцарей мне с посохом не выстоять. Это на арене Мясорубки дерутся по относительно честным правилам. А за границей Обочины главенствует один-единственный принцип: для достижения победы нет зазорных путей. Здесь пристрелить в спину полуслепую калеку – вполне заурядное дело. Особенно если есть подозрение, что он «инкрустирован» алмазами с головы до пят.

Я задержался у заслоняющего меня остова. Нужно дожидаться, когда враг – или враги – обнаружат себя снова. И не прогадал. Не прошло и пяти секунд, как противник опять появился мне на глаза.

Он выполз из воронки неподалеку от моего укрытия и замер на месте, очевидно, делая то же, что я – сканируя окружающее пространство. Это был не человек, а биомех: бот огневого прикрытия Ползун. Тот самый укрощенный бот, который я видел утром в «Пикнике». И который беспрекословно подчинялся своему дрессировщику – мнемотехнику. Тогда я не успел толком разглядеть его новую зверушку, но тем не менее ошибка исключалась. Сомнительно, чтобы, ожидая встретить подручных Ипата, я совершенно случайно наткнулся на другого, непричастного к нашему конфликту Ползуна.

Теперь он был во всеоружии. На выходе с Обочины хозяин водрузил ему на турель дальнобойную снайперскую винтовку. Также переделанную в Узле вместе со своим четвероногим транспортером, но не настолько, чтобы я не опознал это орудие. Его ствол рыскал из стороны в сторону, а система наведения фиксировала все досягаемые тепловизионные объекты, автоматически отмечая те из них, что не попадали под заданную ей цель.

Изучив округу, Ползун рванул было дальше, но убрался недалеко. Взбежав на высокий завал, биомех расставил поустойчивей конечности и устроился на нем таким царем горы и прилегающей к ней территории. Хитрый паскудник, и не смотри, что обладает ограниченным искусственным интеллектом. Играть в прятки с безоружным Ползуном мог бы и хромой Капуцин. Но удрать от бота-снайпера, занявшего стратегическую высотную позицию, было трудно даже для шустрого Мангуста.

Итак, один из охотников здесь. Осталось выяснить, где же Ипат и прочие члены его команды.

Я вертел головой и всматривался в каждую кочку, но так и не обнаружил иных врагов. Хорошо это или плохо, сказать трудно. Зато в процессе наблюдения мне удалось разработать оперативный план действий. Удачный или нет, опять-таки неведомо, но с его реализацией следовало поторапливаться. Не исключено, что узловики отстали от Ползуна совсем ненамного, и застрянь я тут еще на минуту, мне точно несдобровать.

Тактика моего прорыва была проста, как пробежка по стометровке. Вдоль подножия завала протянулся глубокий, кривой буерак. Дно его представляло собой для засевшего на возвышенности снайпера непростреливаемую – мертвую – зону. Спрыгнув в канаву, я мог попытаться прошмыгнуть мимо бота, а если повезет, то и устроить для него ловушку.

Заманить его туда не составит проблемы – Ползун в любом случае засечет меня еще на подходе ко рву. А вот для дозорных на смотровых вышках мой маневр, наоборот, останется незаметен. Ржавый остов, за которым я отсиживался, скроет меня и от дружинников. Надо лишь обойти его так, чтобы он заслонил Капуцина от их взоров, и, пригнувшись, добежать до края буерака. А уж в нем-то я – невидимый ни для кого – покажу всю прыть, на какую способен. Дальний конец траншеи находится позади завала, и, выбравшись из нее, я окончательно скроюсь с глаз хозяев Обочины.

Только бы Жорик не спал и был готов в точности выполнить все, что я ему наказывал. Ну да ладно. Даже если этот раздолбай дрыхнет, сейчас я его разбужу...

Я подобрал полы хламиды и, сжимая в руке «шторм», подполз под раскуроченный остов. Для дружинников на вышках мои намерения были предельно ясны: расстрелять с незаметной позиции преградившего мне путь Ползуна. То, как я снимаю с себя мешающую бегать длиннополую одежду, откладывая бесполезные посох и автомат и отлепляю с лица грим, дозорные уже не видели. Отныне Капуцин для них исчез, но сделал он это вполне обыденно. Взял и просто-напросто затерялся в нагромождениях разбросанного вокруг Выгребной Слободы хлама.

Вместе с автоматными магазинами, которые также пришлось выбросить, у меня в под сумке лежала парочка антикварных гранат. Их я приобрел сегодня утром на Обочине у торговца списанным с армейских складов оружием. Стоили «лимонки» недорого – их нынешние плазменные «потомки» были легче и убийнее этого старья, – но в том-то и заключалось их преимущество. Доисторические «калашниковы» и «СВД» далеко не всегда показывали себя на высоте против техноса и современных сталкерских доспехов. Однако осколочные гранаты были еще вполне эффективны. К тому же в них отсутствовала всякая электроника. При моей неуживчивости с ней именно этот фактор, а не гранатная убойность имел для меня первостепенное значение.

Тратить гранату только на то, чтобы отвлечь внимание бота, было непрактично, но иного выхода, к сожалению, я не видел. Настроенная на поиск источников тепла система наведения Ползуна будет ненадолго сбита с толку взрывной волной. Это позволит мне отыграть у него несколько важных секунд. Жаль, нельзя добросить «лимонку» до самого снайпера – высоко- вато он, мерзавец, засел. Но хоть ослеплю его ненадолго – и то хлеб.

Выброшенная мной из-под остова граната закатилась в одну из ближайших воронок, где и разорвалась. Взметнувшиеся вверх камни и глина еще не осыпались, а мгновенно среагировавший биомех уже всаживал в то место пулю за пулей. Я же выкатился из укрытия, вскочил на ноги и, пригнувшись как можно ниже, метнулся к буераку.

Наконец-то можно забыть о мнимой хромоте и ни в чем себя не ограничивать! Я ненавидел своего паразита за то, что он отнял у меня нормальную, человеческую жизнь. Ненавидел истово, всеми фибрами души. Но когда здесь, в Пятизоне, он вступал в борьбу за мою – и, возможно, свою тоже – жизнь, я испытывал к нему глубочайшую признательность. И по мере сил старался ему содействовать. А что еще остается делать, если судьба загнала меня в такое безысходное положение?

Как и ожидалось, проскочить мимо биомеха незамеченным мне не удалось. Две пули впились в склон, по которому я секунду назад скатился на дно буерака. Других выстрелов, кроме тех, что произвел Ползун, слышно не было. Это хорошо. Если мне повезет и охотники продолжат мешкать, стычка с туповатым ботом станет моей единственной насущной проблемой. Надо лишь не проморгать момент, когда он ринется в ров следом за мной. А он ринется – вне всякого сомнения. Снайпер засек, куда скрылась цель, и теперь попыбует настигнуть ее по горячим следам. В этом плане механические солдаты – и обычные, и те, что побывали в Узле, – всегда предсказуемы.

Ну, или почти всегда. Все зависит от того, насколько хороший вы предсказатель. Мне это занятие давалось с переменным успехом. Вот и сейчас, ожидая бота у себя за спиной, я допустил ошибку. Да, Ползун бросился за мной. Но не вдогонку по дну траншеи, а наперехват – по гребню вытянувшегося вдоль нее завала.

Я осознал свою оплошность, когда узрел ворвавшееся в буерак чудовище не сзади, как ожидалось, а в полусотне шагов впереди. Склон был довольно крут, и разогнавшийся поверху биомех не сбежал, а спрыгнул с него, ловко приземлившись на все четыре ноги. И произошло это настолько неожиданно, что я даже не успел обдумать, как мне защититься.

Хотя что тут вообще было обдумывать? Весь мой арсенал состоял из зажатой в кулаке последней гранаты и прикрепленного к поясу ножа. Последний для боя с Ползуном подходил не больше, чем мухобойка – для драки с доберманом, и потому выбор оружия как таковой у меня отсутствовал. Стоит только противнику взять меня на мушку, и он отправит меня к праотцам первым же выстрелом. А в канаве от него укрыться крайне сложно. Остается один путь: делать то, что задумано, но метать «лимонку» не назад, а прямо по курсу.

Беспокоиться о точности броска в такой суете уже некогда. Я швырнул гранату и, пока она летела, плюхнулся с разбегу за торчащий из откоса обломок самосвального кузова. От снарядов импульсного орудия эта смехотворная защита не спасет, но осколки антикварной гранаты ее вряд ли пробьют.

Взрыв, чей грохот я расслышал сквозь зажатые ладонями уши, оказался не таким, какой мне хотелось расслышать. Пресным, если можно так выразиться. Нет, с громкостью и силой у него все было в порядке. Однако я не различил в нем кое-какие ожидаемые мной звуки. А конкретно: скрежет раздираемого взрывом металла и удары бьющих по нему осколков. Несколько из них шибанули в щит, за которым я прятался, но ведь кроме него в радиусе поражения «лимонки» имелся и другой объект. Тот, на который и была направлена моя атака.

Точность, как гласит пословица, – это вежливость королей. И будь я монаршей особой, Ползун мог бы ощущать себя сейчас глубоко оскорбленным и кричать мне: «Мазила!» Хотя в действительности обиженным остался не он, а я. Моя граната угодила не в бота и не рядом с ним, а в склон, с которого он соскочил. Возможно, биомеха все же зацепило осколками, но они не причинили ему особого вреда. Я со страхом таращился на врага сквозь поднятую взрывом пыль: тот уверенно стоял на всех лапах и искал меня во мгле лучом лазерного целеуказателя. Еще немного, и биомех догадается, где я скрываюсь. Догадается и преподаст мне урок на сей раз подлинно королевской вежливости...

Однако едва прицельный луч упал на мой щит, как с потревоженного взрывом откоса обрушилась каменная осыпь. Рокоча, она волной накрыла уже готового стрелять Ползуна, перевернула его и поволокла за собой на дно буерака. Выпущенная кувыркающимся снайпером пуля ушла в небо, а сам он спустя мгновение очутился погребенным под полуметровым слоем булыжников. На поверхности торчали лишь дрыгающиеся конечности бота, который остался жив, но в данный момент был совершенно беспомощен.

Упускать представившуюся возможность для бегства было равносильно проигрышу. Вскоре Ползун выкопается, но меня на тот момент и близко здесь не будет. На-ка, выкуси, Ипат! Тебе опять выпал шанс изловить Мангуста, и опять ты его прошляпил. Может, после

сегодняшнего фиаско ты наконец-то впадешь в депрессию и покончишь с собой? Не важно, каким способом, лишь бы только он был надежным. По-моему, такой выход одинаково выгоден нам обоим. Не знаю, как тебе, а мне наша затянувшаяся игра уже порядком поднадоела...

Перепрыгнув через барахтающегося под осыпью бота, я помчался по дну буерака дальше. Мне осталось обогнуть завал, и вот он – дальний конец траншеи. Потом – короткая пробежка по поверхности, и я достигну подножия холма, на котором несет дозор Жорик. А у Жорика при себе наготове барабанный гранатомет «Душегуб». На случай, если меня рассекретят и вынудят покинуть рынок в жуткой спешке. То есть так, как я его сейчас покидал.

Разбуженный прогремевшими взрывами, Дюймовый уже должен пребывать в боеготовности. Теоретически, первые гранаты пролетят над моей головой и упадут в канаву сразу, как только я из нее выскочу. И когда между мной и преследователями вздыбится стена разрывов и поднятой ими пыли, мне останется лишь затеряться в складках местности и – поминай, как звали!..

Я выпрыгнул из буерака – уханье «душегуба», однако, не раздалось, и гранаты в канаву не упали. Проклиная мешкающего напарника и затянутое тучами небо – солнечным днем Жориково прикрытие было бы мне даром не нужно, – я наскоро огляделся и припустил к холму. Ладно хоть узловики отстали, и завал надежно заслоняет меня от Обочины. Пускай дружинники гадают, что взрывалось в полукилометре от рынка и куда пропал Капуцин. Отряжать патруль на его поиски хозяева Выгребной Слободы не станут – много чести оборванцу, – а мне только этого и надо. И без дружинников забот полон рот. Настолько полон, что они, того и гляди, разорвут его от уха до уха...

Где доселе околачивался Ипат, история умалчивает. Но он нарисовался на моем пути столь неожиданно, что я едва не заорал от испуга. И вряд ли это произошло случайно. Скорее всего, при помощи загонщика-Ползуна мнемотехник ловко направил меня на нужный ему маршрут. А я – болван – опять впопыхах клюнул на Ипатову уловку. По крайней мере, памятуя о его смекалке и нетривиальной охотничьей тактике (полагаю, вы еще не забыли, при каких обстоятельствах я познакомился с Жориком?), назвать это обычным фартом было трудно.

Здесь, в дикой пустоши, орденский хищник не стал вступать со мной в переговоры и выкрикивать угрозы. К чему нам лишние церемонии? Едва я выскочил ему навстречу, он вскинул армган и выстрелил в меня с расстояния в дюжину шагов. И непременно попал бы, продолжай я корчить из себя калеку. Только я уже вышел из образа Капуцина и во мне вовсю бурлил адреналин. Ипат был быстр, да что там – феноменально быстр! Но и мой инстинкт самосохранения оттачивался все эти годы чуть ли не круглосуточно. И потому застать меня врасплох внезапной атакой из засады было не так-то легко.

Лазерный импульс рассек воздух над тем местом, где я только что маячил, и, угодив в завал, с треском расколол торчащую из него бетонную глыбу. Второй выстрел узловика должен был прожечь танковый остов, за который я шарахнулся и из-за которого мгновение назад выскочил он сам. Но Ипат не выстрелил. Слишком близко стоял он к препятствию, чтобы не обжечься брызгами расплавленного металла, неизбежными при попадании лазера в такую цель.

Секундная заминка, в ходе которой рыцарь принял это разумное решение, позволила и мне оценить очередную угрозу. Единственное, что я понял за столь короткое время: на сей раз улизнуть от Ипата не получится. Без невидимого камуфляжа он пристрелит меня, в какую бы сторону я ни бросился. Сколько еще узловиков охотятся за мной, неведомо, но мимо этого ублюдка мне не пройти. А следовательно, придется ввязываться в бой, и чем быстрее, тем лучше.

«Со мной был нож, решил я: что ж, меня так просто не возьмешь!» – пел Высоцкий в одной из своих песен. Ну прямо один в один про меня – такого, каким я предстал перед узловиком. Конечно, кидаться с ножом на облаченного в доспехи и вооруженного армганом рыцаря было не лучшей идеей, но безысходность, помноженная на ярость, – великая сила.

Особенно когда враг уверен в своем превосходстве и ожидает, что ты, как и раньше, пустишься от него наутек.

Решив, что я опять воспользуюсь своей фирменной, проверенной тактикой, Ипат взялся было обегать танковый остов, дабы стрелнуть мне вдогонку лазером. Но едва мнемотехник сорвался с места, как я свалился на него сверху с занесенным для удара клинком. Почти по завету генералиссимуса Суворова, повергшего в смятение французов своим лихим переходом через Альпы. Вот и мне незачем было бежать вкруговую, если я мог запросто перескочить через раскуроченную бронированную махину. Два стремительных прыжка, и – горячий тебе привет, орденский ублюдок! Не знаком еще с моим ножом? Что ж, самое время это исправить.

Заметив боковым зрением кинувшегося на него сверху врага, Ипат резко развернулся, намереваясь подстрелить меня влет. Но я отбил ногой не успевший нацелиться мне в живот излучатель и ястребом налетел на рыцаря. Разница наших весовых категорий была не в мою пользу, но сбить мнемотехника с ног, рухнув на него сверху, оказалось нетрудно. А вот вонзить нож в его не защищенную броней шею – туда, куда я старательно метился, – не удалось. Я промазал всего на чуть-чуть. Удар пришелся выше – в металлическую окантовку шлема. Клинок, звякнув, скользнул по нему и, отскочив, порезал противнику щеку в тот момент, когда он грохнулся спиной на землю.

Прокляв мысленно народную примету – первый блин всегда комом, – я замахнулся ножом повторно, в надежде, что теперь уж точно не оплошаю. Но припертый к земле Ипат выказал не меньшую живучесть, чем я. Не имея возможности выстрелить, он резко двинул мне свободной рукой в бок. А поскольку в теле у мерзавца явно имелись импланты-усилители, его кулак разил не хуже бейсбольной биты. Даже нанесенный почти без замаха удар узловика едва не сломал мне ребра. Я крикнул и скривился от боли, отчего мой нож вновь угодил не туда, куда нужно – в нагрудную пластину вражеских доспехов.

Далее наша потасовка напоминала уже не рукопашный поединок, а неуклюжую возню, и шла с переменным успехом. Я был проворнее и шустрее Ипата, но его защищали доспехи и усиливающая мускулы нанотехнологическая «начинка». Как долго мы барахтались в грязи и колошматили друг друга, сказать трудно. Четырежды рыцарь изворачивался и сталкивал меня с себя. Однако я упорно не позволял ему подняться на ноги и вновь набрасывался на него до того, как он успевал встать. Острые моего клинка попыталось пробить почти все потенциально уязвимые места вражеской брони. И всякий раз узловик или срывал мне атаку мощным контрударом, или блокировал ее непроницаемой для лезвия перчаткой. Я, в свою очередь, не забывал об армгане, стараясь не дать Ипату навести его на меня. То и дело враг жал сгоряча на спусковой сенсор, спекая окрест нас лазером глину и прожигая дыры в разбросанных повсюду останках биомехов. Над полем нашей брани вздымались клубы пара и едкого дыма. А победитель в драке не на жизнь, а на смерть пока не вырисовывался даже гипотетически.

Короче говоря, скучать никому из нас не приходилось, но и веселья это занятие нам тоже не доставляло.

Мои мысли были сосредоточены на преодолении вражеской защиты, а надежды устремлены к победе. Я ни на миг не забывал, что затягивать бой мне крайне невыгодно. С минуты на минуту к охотнику подспеют его собраты и выкопавшийся из-под осыпи Ползун, которые вовсе не станут стоять в сторонке и болеть за своего товарища...

Какого черта! Напарники Ипата уже должны быть здесь, ведь его охота – это слаженная командная игра, а не схватка с жертвой один на один. И тем не менее никто до сих пор не пришел моему противнику на помощь. Очень и очень странно. Про бота молчу – возможно, обвал засыпал его сильнее, чем мне показалось. Но братья мнемотехника по Ордену не могли допустить того, что здесь происходило. Никак не могли. Я неплохо изучил порядки узловиков и могу со всей уверенностью сказать: они бы не оставили своего командира в такой беде.

А вот разгильдяйство Жорика, чья подмога пришлась бы мне сейчас весьма кстати, напротив, меня не удивляло. У подножия холма сверкали лазеры, брызгал кипящий металл и трещали, раскалываясь, камни, а от Дюймового ни слуху ни духу. Уж не мертв ли он slučajем? И такое не исключено. После нашей утренней встречи с Ипатом у узловика было много времени, чтобы подняться на метеостанцию и устроить там себе наблюдательный пост. И если при этом охотник застал моего напарника спящим, вряд ли тот успел оказать хоть какое-то сопротивление. Да и бодрствующий Черный Джордж был для своего бывшего командира не противник. Как ни горько это признавать, но, кажется, наша недолгая дружба с Жориком подошла к концу. И вполне закономерному, если учесть, сколько моих советов по выживанию в Зоне он пропустил мимо ушей...

Мы с Ипатом бились, словно дикие звери: с утробным рычанием, без пощады, прямо-таки упиваясь нашей обоюдной ненавистью. Разве что зубами друг друга не рвали. Хотя, уверен, дошел бы черед и до зубов, продлись наша возня еще минуту-другую. Но, как часто бывает в жизни, исход поединка равных по силе противников решили не стойкость и мастерство кого-либо из них, а Его Величество Случай. И сегодня он, увы, благоволил не мне.

Сброшенный на землю в пятый раз, я мгновенно вскочил и снова кинулся на рыцаря, дабы не дать тому воспользоваться армганом. Здесь и постигла меня фатальная неудача. Разве-зенная нашим барахтаньем глина стала склизкой и, ошметками вылетев у меня из-под подошв, сорвала мне эту атаку. Я плюхнулся мордой в грязь, будто пьяница, хотя последние водочные пары выветрились из меня еще пару часов назад. Плюхнулся и, даже не утерев лицо, попытался немедленно встать, чтобы возобновить бой. Однако не тут-то было. Короткая задержка обернулась для меня утратой инициативы, которую тут же перехватил Ипат.

Я не простоял на ногах и секунды, как снова полетел в грязь. Только уже не ниц, а навзничь. А уложивший меня одним пинком узловик уперся мне в грудь коленом и, приставив излучатель к моему лбу, нажал на спусковой сенсор...

Это был не самый удачный и чистый способ убийства человека, из тела которого следовало затем вырезать драгоценные камни. Обращенная лазерным импульсом в прожаренный гуляш, моя голова разлетелась бы вперемишку со спекшейся глиной, и ищи потом в этой мешанине те алмазы, что торчали у меня в левой глазнице и шее. Впрочем, Ипата подобное не слишком заботило. Уставший от многомесячной охоты, узловик был рад любой возможности умертвить скользкую, будто угорь, жертву. Даже если победа над ней будет сопряжена с вышеописанными трудностями...

Ипат выстрелил, не раздумывая. После чего разразился потоками грязной брани, в сравнении с которой даже покрывающая нас с ног до головы глина казалась чуть ли не гелем для души. По идее, всего этого я – обезглавленный – уже не должен был ни слышать, ни видеть. Однако вопреки ожиданиям моя голова по-прежнему оставалась на плечах. Что и повергло в неописуемый гнев несогласного с данным обстоятельством Ипата.

Ничего экстраординарного не произошло, и многие из вас уже догадались, что случилось с армганом рыцаря. Все время, пока мы боролись, я и мой вредоносный симбионт находились в тесном контакте с его оружием. А поскольку лазерный излучатель – штукавина высокотехнологичная, то и из строя он вышел за считанные минуты. И – что немаловажно! – без шанса на восстановление.

Мне удалось отсрочить свою гибель, но это ни на йоту не улучшило незавидное положение, в каком я находился. Крепко придавленный к земле, я не мог вывернуться, поэтому попытался вонзить нож рыцарю в бедро. Но Ипат вовремя подставил под удар армган, пригодный отныне, пожалуй, лишь для подобного использования. Клинок угодил между деталями излучателя и застрял, а противник сразу же резко крутанул его в сторону. Дабы не вывернуть кисть, мне пришлось разжать пальцы и выпустить рукоять ножа, который узловик мигом отбросил на безопасное расстояние.

Я тоже утратил свое единственное оружие и за неимением иных боевых аргументов принялся отчаянно лягаться и махать кулаками. Со стороны мое брыканье смотрелось, наверное, весьма жалко. Жалок был и эффект, которого я им добился. Отбив руки и колени о рыцарскую броню, я еще глубже увяз спиной в грязи, но упрямо не желал признавать свое очевидное поражение.

– Ну вот и все удовольствие! – хрипло прорычал Ипат, извлекая из притороченных к доспехам ножен внушительный тесак, которым он мог отсечь мне голову с одного удара. – Веришь – нет, а мне даже жаль, что ты подох так мерзко – в грязи, будто бродячая собака. Впрочем, утешься тем, что твои алмазы достанутся не вшивым наемникам, которые недостойны и тысячной их доли, а Ордену Священного Узла. Посему говорю тебе спасибо от Командора и моих братьев! Ты оказал всем нам громадную услугу, и мы это запомним. А теперь прощай! Что ни говори, а без тебя в Пятизонье будет уже не так весело.

И, прижав мне голову к земле железной хваткой, занес тесак над моей шеей...

С тех пор как судьба накрепко связала меня с Зоной, я часто балансировал на грани смерти и переживал ее в мыслях, представляя, какими могут быть финальные мгновения моей жизни. Уготованная мне Ипатом погибель не являлась чересчур экзотичной, и мне, естественно, приходил на ум подобный вариант собственной кончины. Но как бы то ни было, наяву он выглядел совсем иначе. И потому мое сознание наотрез отказывалось мириться с тем, что видели мои глаза и чувствовало втоптанное в грязь тело.

Я оцепенел и не мог отвести взора от вражеского тесака – блеклого, исцарапанного и отнявшего явно не одну сталкерскую жизнь. За те мгновения, что он маячил надо мной, я, кажется, пересчитал на нем все до единой зазубринки, потертости и пятнышки. Изучил и запомнил их, как будто в Чистилище меня ожидал экзамен, одним из вопросов которого будет подробное описание орудия моей смерти. Чудилось, что даже время замедлило свой ход, даруя мне возможность подготовиться к этому ответственному испытанию...

И, как и в прошлые разы, когда надо мной нависала тень Старухи с Косой, мне опять почему-то не желали являться образы моих оставшихся за Барьером жены и дочери. Не желали и всё, хоть ты тресни! Это была вопиющая, прямо-таки вселенская несправедливость! Вместо мысленного прощания с родными я таращился на всякую ерунду и – что гораздо хуже – думал об этой ерунде! Так, словно в ней и нигде больше заключался пресловутый смысл жизни, который, согласно многим поверьям, открывается нам за миг до отхода в мир иной...

Какой великий тайный смысл зашифрован в тесаке Ипата, я не разгадал. Но не потому, что был плохим толкователем мистических знаков – я им вообще не являлся! Просто звезды в эту минуту сложились на небе так, что мое свидание со смертью опять не состоялось. А ее послание, которое несло в себе орудие рыцарского возмездия, не дошло до адресата и было уничтожено. Жаль только, не вместе с «почтальоном»...

Прошло, наверное, секунд десять, прежде чем я понял, что с нами произошло. Маячивший над головой тесак вдруг исчез, словно его ветром сдуло. Раздался металлический звон, а затем в груди, на которую усиленно давило колено узловика, появилась приятная легкость. И лишь потом я осознал, что наседавший на меня Ипат исчез, а я лежу в грязи, никем больше не удерживаемый.

Вот те раз! Преодолея боль и слабость, я поднялся на ноги так быстро, как только мог. Ага! Стоя вникнуть в случившееся было куда проще. Никуда мой противник не исчез. Он лежал в двух шагах от места моей несостоявшейся казни и, к моему огромному сожалению, был жив. И не только жив, но и боеспособен настолько, что тоже готовился вот-вот вскочить и продолжить схватку. Но уже без тесака, разлетевшиеся осколки которого торчали из глины позади Ипата, а у него в кулаке осталась лишь рукоять. Лишенная клинка, она еще могла послужить в качестве кастета, но назвать это оружие серьезным было, конечно, нельзя.

Зато мой отобранный и отброшенный мнемотехником нож лежал неподалеку совершенно целехонек. К нему-то я и кинулся, суматошно гадая, что за неведомая сила вмешалась в наш конфликт и отвела от моей шеи оружие противника.

Загадка эта вскоре получила кое-какое объяснение. Далеко не исчерпывающее, но по крайней мере завеса тайны над ней была приподнята.

Подобрав нож, я развернулся, готовясь отразить очередную атаку противника. Или, наоборот, атаковать его, безоружного, если он вдруг решит уйти в оборону. Пока я повторно вооружался, Ипат поднялся и принял боевую стойку, но его планы были еще не ясны. Он морщился и все время разминал правую кисть. Похоже, сила, разбившая тесак, заодно травмировала мнемотехнику руку. Великолепно! Значит, перво-наперво атакую – или контратакую – врага с правого бока, который ему будет труднее защитить.

Ну, держись, паскудная тварь! Это без Мангуста в Зоне станет невесело, а твоя смерть, уверен, обрадует не один десяток обиженных тобой сталкеров!..

Ипат понял, что я почувал его слабость и намерен отыграться, поэтому он и бросился на меня первым, яростно зарывав и сжав кулаки. Но едва рыцарь рванулся с места, как перед ним взметнулись три высоких фонтана из ошметков глины. Не успев разогнаться, он мгновенно остановился и отшатнулся. Я тоже замер от неожиданности, хотя еще не сделал ни шагу. А когда спустя секунду с холма донеслись резкие и свистящие, напоминающие удары плетью по воздуху звуки, сразу стало понятно, что это за фонтаны и каким образом мой враг был обезоружен.

С нами развлекался – а иного слова не подберешь – залегший на холме снайпер. И, бесспорно, очень хороший снайпер. Это его меткий выстрел выбил из руки Ипата тесак, а следующие три пули удержали узловика на месте (свист первой пули я в горячке попросту не слышал). Где располагалась снайперская позиция, мы вряд ли вычислим, но подозрительное исчезновение Жорика было явно на совести этого стрелка. В том, что стрелок – не Жорик, я даже не усомнился. С меткостью у Дюймового всегда были большие проблемы, как ни бахвалился он на словах, что шутя бьет из «карташа» муху в глаз и белку влет... Или наоборот? Впрочем, сейчас это не имело значения.

Хотелось бы знать, на чьей стороне воюет загадочный снайпер. На моей? Тогда почему он не убил моего врага? На стороне Ипата? Но ведь и я до сих пор жив. Стрелок не поддерживает никого из нас? Больше похоже на это. Но тогда с какой стати он вообще вмешался в наш поединок? Лежал бы себе тихонько в своем укрытии и ждал, чем все закончится.

Загадки, сплошные загадки...

Ладно, раз наш снайпер-затейник не собирается никого убивать, но дает понять Ипату, чтобы тот не дергался, может быть, это намек мне? В смысле, мол, давай, Мангуст, кончай орденского ублюдка, ведь стрельба по узловикам издали – это так скучно!..

Ха! Да запросто! И не говори потом, кем бы ты ни был, что я не понимаю намеков!..

Шлеп! Шлеп! Шлеп! Три фонтана из грязевых ошметков преграждают мне путь, едва я делаю шаг к топчущемуся в дюжине метров от меня мнемотехнику.

Та-а-ак, а это что за миротворческие фокусы? Ни вашим, блин, ни нашим! Выходит, насчет понимания намеков я себя перехвалил, и мне тоже запрещено кидаться в драку. Ну и чего же ты, сукин сын с винтовкой, в таком случае добиваешься?

– Похоже, тебе опять повезло, прыгучий уродец! – прокричал мне с досадой разминающий ушибленную руку Ипат.

– Или тебе, дрессировщик безмозглых железяк! – отвечал я, с опаской косясь на вершину холма. – Ты определенно нравишься нашему рефери! Правда, делить с тобой мою шкуру он все равно вряд ли станет. Видишь, дает тебе понять: дескать, проваливай отсюда, неудачник, ни хрена тебе тут не обломится! Готов поспорить: это кто-то из твоих старых дру-

зей! Тот, кого ты отлично знаешь! То есть это ты думал, что знаешь, а на самом деле он вовсе не прочь обусть тебя на этой охоте по-крупному!

– Заткни пасть, бриллиантовая гнида! – огрызнулся мнемотехник. Я определенно угодил своим предположением в точку и фактически прочел обуревающие узловика мысли. – Ты знаешь, что для нас с тобой это еще не конец! Я поймал тебя сегодня и поймаю завтра, вот увидишь! Потому что это гораздо проще, чем всем кажется! А снайпер... если он – тот, о ком я думаю... поаккуратнее с ним, Мангуст! Позарится он на твои алмазы или нет, но добра от него не жди. Тот еще фрукт. Ни себе, ни людям – разве это справедливо?

– По мне, очень даже справедливо, – возразил я, шаг за шагом пятясь к холму. Раз прикончить Ипата не судьба, незачем дожидаться, когда к нему присоединится Ползун. Однако позволит ли мне «рефери» беспрепятственно покинуть арену? Проверять это придется экспериментальным путем. – С чего это вдруг моя шкура должна достаться Ордену? Перебьетесь! Я уж лучше нашему другу-стрелку ее завещаю. За то, что он не дал тебе устроить победную пляску с моей отрубленной головой... Ладно, неудачник, счастливо оставаться! И мой тебе совет: не ходи за мной! А лучше прямо сейчас найди веревку и вздернись, потому что черта с два ты исполнишь свою клятву Командору!

Сказав это, я развернулся и припустил вдоль подножия холма. Сначала осторожно, с оглядкой, а затем все быстрее и быстрее. Выстрелов не последовало. Неизвестный миротворец разрешал мне улизнуть и от рыцаря, и из-под своего прицела.

Что ж, выходит, стрелок не развлекался, а действительно стремился погасить наш конфликт бескровным способом. Но вряд ли из гуманистических побуждений. Даже самые известные здешние миролюбцы Мерлин и Механик отродясь не разнимали дерущихся сталкеров просто так, без какой-либо личной выгоды. Любая конфронтация в Зоне сходилась на нет лишь после того, как один противник уничтожал другого. Обычно под корень, дабы избежать в будущем возобновления войны и порождаемых ею проблем. И я не сомневался, что за сегодняшнее мое спасение мне также в скором времени будет выписан счет. Причем наверняка не маленький.

Я не побежал напрямик к метеостанции. Незачем было показывать Ипату и снайперу, что у меня остались на холме кое-какие дела. Маловероятно, но вдруг все-таки Жорик, никем не замеченный, попросту дрыхнет сейчас среди руин беззаботным сном младенца? Прежде чем выяснить это, мне требовалось обогнуть возвышенность и взобраться на ее вершину по противоположному склону.

Отступая, я продолжал следить за мнемотехником: а вдруг, вопреки моему совету, он рванет за мной по пятам? Но безоружный враг не горел желанием пускаться в погоню. По крайней мере не прикупив себе на Обочине новый армган или «карташ».

Расшвыряв в сердцах поврежденный излучатель и рукоятку от тесака, Ипат погрозил мне вслед кулаком, затем красноречиво провел большим пальцем по горлу, сплюнул и зашагал к буераку, в котором мы недавно воевали с Ползуном. Мудрое решение. Давай, беги, откапывай свою зверушку и не маячь у меня над душой! А заодно охолонись и обдумай хорошенько совет насчет веревки – авось на трезвую голову он покажется тебе здравым и практичным.

Ну, ладно, что сделано, то сделано. Прошлого не воротишь, и бой с Ипатом заново не переиграешь. Самое время и мне успокоиться, взять себя в руки и выяснить судьбу Черного Джорджа. Печально, если придется справлять по нему панихиду. При всех своих недостатках он был неплохим, бесхитростным парнем и надежным товарищем. Но гораздо хуже его смерти – да простит мне Жорик мой бездушный прагматизм – было то, что при нем остались мои оружие и вещи. Их потеря станет для меня серьезным препятствием и фактически поставит крест на нашем расследовании, успех которого и без того находился под большим вопросом...

Глава 5

В руинах метеостанции что-то происходило – я понял это, когда поднимался по склону на вершину холма. Кажется, там тоже шла борьба, но не яростная, а какая-то вялотекущая, словно дерущиеся были вконец измотаны. До моих ушей доносилось приглушенное мычание и топание – так, будто один из противников зажимал другому рот, а второй из последних сил отбрыкивался.

Первым моим побуждением было поскорее броситься на помощь Жорику, чей голос явственно угадывался в сдавленном крике. Однако я воздержался от благородного товарищеского порыва. Виной тому была хроническая мания преследования, которая денно и нощно тяготела над моим рассудком и держала в узде все мои помыслы и устремления. Ослушаться собственной паранойи я никак не мог. Разве это не она ежедневно спасала мою алмазную шкуру, ограждая от нежелательных поступков и излишнего в моем положении доверия к людям?

Вот и сейчас я первым делом прислушался к своей паранойе, протестующей против моего желания спасти Жорика, ответил ей: «Как прикажешь, моя госпожа!» – и затаился в зарослях автонов, продолжая внимать подозрительным звукам.

Они раздавались откуда-то из центра руинных нагромождений, то ненадолго затихая, то начинаясь вновь. Нет, пожалуй, борьба там не происходила, поскольку монотонный характер шума не менялся. И чем дольше я к нему прислушивался, тем отчетливее представлял, что происходит за полуразрушенными стенами метеостанции.

Жорик был жив и, судя по интонации его криков, даже не ранен. В его голосе звучали обида и злоба, но не боль. А неразборчив этот голос был из-за того, что во рту у Дюймового, похоже, торчал кляп. Отсюда следовало, что мой напарник вдобавок связан или скован наручниками. Он не лежал на земле – в этом случае кроме топання слышалась бы еще возня, – а значит, его подвесили за связанные запястья на какой-нибудь стене. Помнится, я даже видел на одной из них железный крюк, вбитый в кирпичную кладку. И если прикинуть на слух, откуда исходит шум, получалось, что, скорее всего, на том крюку Черный Джордж и болтается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.